

МЕСТО ДЛЯ НИХ

Katrin Abramson

2025-07-01

Contents

Место для них **1**

Место для них

Холодным октябрьским вечером через слабо освещенный участок нью-йоркского Центрального парка, чуть заметно прихрамывая, медленно шел молодой парень в джинсах, тяжелых ботинках армейского типа, черной футболке и кожаной куртке. Навстречу ему с одной из скамеек поднялся рыжеволосый паренек помоложе и пониже ростом, в элегантных брюках, белом свитере и длинном черном плаще.

— Огонька не найдется? — обратился он к прохожему. Тот остановился, с заметным облегчением сбросил с плеча тяжелую спортивную сумку и достал из бокового кармашка зажигалку. Оба оказались лицом к лицу под тусклым светом фонаря.

Парень в куртке протянул было зажигалку рыжему пареню, но, взглянув ему в лицо, вдруг на мгновение замер, а затем неуловимым движением пальцев перевернул зажигалку и нажал на кнопку. В холодный воздух взметнулся язычок пламени.

Проситель огонька чуть подался вперед. Прикрывая сигарету и огонь от ветра, он случайно коснулся ребром ладони руки владельца зажигалки и почувствовал, как рука эта слегка дрогнула. Подняв глаза, он увидел, что парень в куртке продолжает неотрывно смотреть на него странным, заинтригованным взглядом. Но этот пристальный взгляд почему-то не вызвал у рыжего паренюшка дискомфорта.

— Спасибо, — сказал он, затягиваясь и выпрямляясь.

— Не за что, — машинально ответил парень в куртке. Все так же не отводя от собеседника темных глаз, он положил зажигалку обратно в сумку и вскинул ее на плечо.

Несколько мгновений они стояли и смотрели друг на друга, один — внимательно и серьезно, другой — с легким недоумением. Мимо них с веселыми криками пробежала группа подростков, и парень в кожаной куртке будто очнулся наконец от какого-то транса, повернулся и пошел дальше, а рыжеволосый паренек в плаще пожал плечами и снова сел на скамейку.

* * * * *

Роджер Стэнли родился в маленьком городке недалеко от Нью-Йорка. Он был любознательным мальчуганом, рано заинтересовался техникой и любил проводить свободное время в гараже, где его отец возился со старой разбитой машиной. Вскоре Роджер так увлекся автомобилями, что занятия в школе совсем перестали его интересовать, и он довольно часто сбегал с уроков в местную авторемонтную мастерскую, где мог часами наблюдать за работой механиков. Те не гнали Роджера; напротив, они с радостью посвящали его во все тонкости своей работы и находили в нем благодарного и восторженного слушателя. Маленький Родди все схватывал на лету и скоро стал неплохо разбираться в устройстве машин. На карманные деньги он покупал автомобильные журналы и зачитывался ими до поздней ночи, что не оставляло ему времени на приготовление уроков, поэтому марки автомобилей он знал лучше, чем столицы штатов США. Кроме того, ему гораздо больше нравилось находиться в компании сильных, уверенных в себе мужчин, чем в обществе сверстников, которые не умели ни курить, ни ругаться, и ничего не понимали в машинах.

Лет в двенадцать с Роджером приключилась неприятность: отец застал его за разглядыванием неизвестно откуда взявшегося журнала с фотографиями обнаженных мужчин и не замедлил доходчиво объяснить Роджеру свои взгляды на подобное времяпрепровождение.

Крепко схлопотав и хорошенько поразмыслив, Роджер пришел к двум выводам: во-первых, кроме машин, ему нравятся мужчины, а во-вторых, лучше в это никого не посвящать.

Еще через год в школе тоже пришли к выводу: Роджер Стэнли занятий не посещает, а посему числить его своим учеником

дирекция более не считает нужным, о чем с прискорбием и сообщает мистеру и миссис Стэнли.

Роджер получил очередную трепку, но эти воспитательные меры ни к чему не привели, так как наверстывать упущенное было уже поздно, и отец, к величайшей радости Роджера, отдал его учеником в ту самую авторемонтную мастерскую, из-за которой его исключили из школы.

К шестнадцати годам Роджеру уже спокойно доверяли машины, пригоняемые на ремонт, и клиенты удивленно улыбались, глядя, как этот худенький парнишка безошибочно определяет неполадки и, ловко орудуя инструментами, устраняет их.

Роджер занимался любимым делом и был вполне доволен жизнью, но тут произошел еще один неприятный инцидент. Как-то поздно вечером мистер Стэнли вышел, по своему обыкновению, на задний двор выкурить перед сном сигарету и увидел возле своего дома целующуюся парочку. Присмотревшись, он увидел, что целуются двое парней, причем один из них — его сын. Пораженный, мистер Стэнли промолчал, не желая устраивать сцену на улице, чтобы не услышали соседи, и незаметно проскользнул обратно в дом, тихо прикрыв за собой дверь, но вряд ли надо описывать, что он сделал с сыном, когда тот вернулся домой.

После грандиозного скандала родители выгнали Роджера из дома и велели больше не появляться в городке. Он собрал свои автомобильные журналы и скромные пожитки, попросил на работе рекомендацию, для солидности соврал, что хочет учиться на инженера-механика, и уехал в Нью-Йорк.

В большом городе, без работы и без пристанища, Роджеру пришлось бы очень туго, но, на его счастье, у него был там двоюродный брат, Уильям. Роджер разыскал его и поведал свою печальную историю. У брата он тоже не нашел понимания, но Уильям все же решил помочь родственнику. Он временно приютил Роджера, одолжил ему денег и посоветовал обратиться в одну крупную фирму, предоставлявшую туристическим агентствам автобусы и сдававшую частным лицам автомобили в аренду. При ней находилась большая авторемонтная мастерская.

Роджер последовал совету Уильяма, показал заведующему мастерской свои рекомендации и был принят на испытательный срок. Он снял квартирку в полчасе ходьбы от работы и малопомалу устроился. Начальство вскоре оценило его как умелого механика, и платили Роджеру неплохо. Он постепенно вернул Уильяму долг и даже мог позволить себе иногда поразвлечься.

Как-то в баре к Роджеру подошел красивый парень и заговорил с ним. Через некоторое время Роджер оказался в квартире у нового знакомого, где приобрел свой первый сексуальный опыт.

Фрэнк был старше Роджера лет на шесть. Его привлек симпатичный, хорошо сложенный паренек, и они неплохо провели вместе около полугода. Но затем Фрэнк обнаглел и начал командовать; Роджер понял, что его используют, и они расстались.

Когда Роджеру исполнилось восемнадцать, начальство сделало ему подарок: его отправили на курсы вождения и «повысили в должности» — поручили возить туристические группы и частных клиентов, которые были слишком ленивы и богаты, чтобы самим водить арендованный автомобиль. Теперь четыре дня в неделю Роджер работал водителем, два дня возился в мастерской и был вполне счастлив. Он записался в спортзал и стал тренироваться несколько раз в неделю.

В тренажерном зале у Роджера появился первый друг. Двадцатидвухлетний Джон Грэй работал там инструктором, и ему понравилось усердие, с которым занимался новичок. Ребята познакомились поближе; Джон помог Роджеру составить программу тренировок, и они часто занимались вместе.

Будучи еще неопытным, Роджер неверно расценил такое внимание к себе и как-то после тренировки попытался наладить с Джоном более тесный контакт в раздевалке. Джон мягко отвел его руку и объяснил Роджеру, что тот «ошибся адресом». Роджер не знал, куда деваться от стыда, поскорее убрался из раздевалки и недели две не появлялся в спортзале. Но так как, кроме Джона, друзей у него больше не было, он решил пересилить себя и извиниться.

Придя в спортзал, Роджер не сразу смог заставить себя подойти к Джону, а когда наконец решился, тот не дал ему и рта раскрыть.

— Я догадываюсь, что ты хочешь сказать, — спокойно произнес Джон. — Давай-ка проясним кое-что, чтобы больше к этому не возвращаться. У меня есть девушка, и я ее очень люблю. А ты пропустил две недели тренировок, и это мне совсем не нравится. Так что давай наверстывать. А завтра вечером приходи в бар «Старый замок» на Сорок пятой улице, я тебя со своими друзьями познакомлю. — Джон улыбнулся растерявшемуся Роджеру и подтолкнул его к штанге.

После недолгих колебаний Роджер решил принять приглашение и не пожалел. Друзья Джона приняли его радушно и оказались

очень славными.

Брайан, Джейк и Стив, ровесники Джона, дружили с ним еще со школы. Энни и Кэрри, начав встречаться с Брайаном и Джейком, тоже стали неразлучными подругами. Майкл и Джессика присоединились к компании, познакомившись с ребятами на отдыхе во Флориде. Ну и, конечно, Роджеру представили Линн, девушку Джона. При виде ее Роджер усмехнулся про себя и подумал, что рядом с ней он-то уж, несомненно, проигрывает. Джон встретил Линн в книжном магазине, где покупал журнал по туризму, и не смог уйти, не заговорив с ней. Линн обожала животных и работала в питомнике для бездомных собак и кошек; она покорила своим обаянием всех, кто оказывался рядом, и Джон был влюблен в нее без памяти.

Узнав, что Роджер живет в Нью-Йорке недавно, ребята пообещали взять его под свое покровительство, а когда выяснилось, что он уже неплохо устроился и благодаря своей работе знает город лучше их самих, его заужали, и скоро он почувствовал себя с ними так, будто они дружили всю жизнь.

Брайан, студент-медик, в свободное от учебы время подрабатывал официантом в крупном ресторане. С Энни он познакомился в университете. Она изучала педагогику, мечтая стать учительницей, и работала няней в богатой семье. После окончания учебы они собирались пожениться.

Джейк окончил кулинарные курсы и поступил поваром в «Уолдорф Асторию». Его девушка Кэрри заведовала музыкальным магазином. Они не строили далеко идущих планов, но Джон утверждал, что у них, вероятно, тоже все кончится свадьбой.

Стив, манекенщик и начинающий актер, брал уроки актерского мастерства и страстно мечтал попасть в Бродвейский театр, хотя ему, скорее, больше подошел бы Голливуд с его нравами: девушек Стив менял с невероятной частотой и ни с одной не встречался больше полутора месяцев.

Майкл был диск-жокеем; он встретил Джессику в клубе, где та работала барменшей, и спустя полгода они поженились. Они были старше остальных, но в компании Джона и его друзей чувствовали себя своими.

Все они очень понравились Роджеру, а он — им, и таким образом его одиночество кончилось. Теперь он часто ходил с новыми друзьями в бары и кино, ездил с ними на пикники и считал, что ему, в общем, повезло в жизни.

Вскоре его ожидала еще одна удача. Он познакомился с Риком,

двадцатидевятилетним бизнесменом, и у них начался роман, который длился несколько лет.

Рик был первой большой любовью Роджера. Этот высокий, статный парень, умный и начитанный, был интересным собеседником, и Роджер, немного комплексовавший из-за того, что сам образования не получил, очень уважал его. Единственным существенным недостатком Рика был его тяжелый характер. Он был большим собственником и нередко устраивал Роджеру сцены ревности.

Роджера нельзя было назвать красавцем, но у него были очень приятные черты лица и великолепное телосложение. Он обладал прекрасными природными данными, а благодаря регулярным тренировкам под руководством Джона к двадцати годам, к моменту знакомства с Риком, Роджер выглядел так, что на него засматривались и женщины, и мужчины. Рик бесился, но Роджер искренне любил его и терпеливо сносил скандалы, пытаясь успокоить партнера и убедить его в своей верности. За бурными ссорами следовали не менее бурные примирения, и им, в общем, было очень хорошо вместе. Поэтому, когда через четыре года вполне серьезных отношений Рик неожиданно заявил, что он встретил другого парня и уезжает с ним из Нью-Йорка, это было для Роджера тяжелым ударом, и только поддержка друзей помогала ему переносить боль разлуки.

В любом случае, долго горевать по поводу отъезда Рика Роджеру не пришлось, потому что вскоре после этого случилось гораздо более страшное несчастье — Линн погибла в автокатастрофе. Ее смерть потрясла всех, но для Джона, который уже давно копил деньги на кольцо и искал оригинальный способ сделать Линн предложение, исключаящую всякую возможность отказа, это стало настоящей трагедией. Он был просто раздавлен. После похорон он засел дома и ни с кем не хотел разговаривать.

Роджер понимал, что в некоторых ситуациях человека лучше всего оставить в покое. Но Джон так тяжело воспринял смерть Линн, что Роджера охватило беспокойство, когда на третий день он позвонил другу и никто не поднял трубку. Через полчаса он набрал номер Джона еще раз, но снова не дождался ответа. Его кольнуло нехорошее предчувствие; что-то подсказывало ему, что Джон вряд ли просто вышел погулять. Роджер помчался к Джону, но ему никто не открыл. Он позвонил к соседям, и ему сказали, что Джона все три дня никто не видел. Тогда Роджер, в душе надеясь, что не опоздал, выбил дверь и вбежал в квартиру. Чутье не подвело его: в спальне он нашел распростертого на кровати Джона, а рядом валялась пустая упаковка снотворного. Роджер вызвал бригаду скорой помощи, и Джона увезли в

больницу.

К счастью, Джона удалось спасти, но, придя в чувство и наконец полностью осознав произошедшее, он впал в тяжелейшую депрессию. В таком состоянии его было нельзя отпускать домой, и его перевели в отделение психологической реабилитации.

Каждый день после работы Роджер приходил в больницу узнать, нет ли улучшений, друзья по очереди навещали Джона, но эти визиты ни к чему не приводили. Первые несколько дней Джон молчал, а потом у него начались припадки неистового бешенства. Однажды он велел зашедшим к нему Джейку и Кэрри передать Роджеру, чтобы тот больше не появлялся, заявив, что он не желает видеть предателя, не давшего ему умереть.

Роджера очень расстроило это сообщение, но он, понимая состояние друга, не обиделся и ни на секунду не усомнился в правильности своего поступка.

Через некоторое время лечение подействовало, и Джон понемногу начал приходить в себя. Прежде всего он попросил позвать к нему Роджера.

— Извини меня, Род, — сказал он, когда Роджер вошел в палату и сел возле кровати. — Мне было так плохо, мне больше ничего и никого не хотелось видеть... Ты же знаешь, что Линн... — он запнулся и покачал головой. Роджер кивнул, и Джон продолжал:

— Я тебя не виню. Ты отличный парень. Не знаю, что я теперь буду делать, но во всяком случае я знаю, что мне есть на кого положиться.

— О чем разговор, — нахмурился Роджер. — Можно подумать, что ты на моем месте поступил бы иначе. Ты мой лучший друг. Кроме тебя и ребят, у меня никого нет. Родные от меня отказались, Рик меня бросил. Тебе я этого сделать не позволю.

Джон улыбнулся через силу, и они молча пожали друг другу руки. Оба понимали, что теперь их связывает гораздо более крепкая дружба.

Джон понемногу оправился от потрясения, вернулся на работу и возобновил общение с друзьями, но, потеряв Линн, он уже не мог смотреть ни на одну девушку. Роджер же еще смутно надеялся найти настоящую любовь, хотя после измены Рика ему тоже было нелегко кому-то довериться, тем более кого-то полюбить, и он предпочитал оставаться в одиночестве. Иногда, когда ему становилось слишком тоскливо, он знакомился с парнями в разных барах, но никогда не приглашал таких

знакомых к себе домой. Он проводил с очередным партнером ночь, а на завтра ему даже не хотелось вспоминать его имя; он лишний раз убеждался, что это все «не то». К двадцати семи годам Роджер все еще был один, но старался не унывать и не терять надежды.

* * * * *

Детство Тома Уэстфилда было счастливым и, в отличие от погоды в его родной Англии, безоблачным. Будучи поздним и единственным ребенком солидной состоятельной четы, он рос, окруженный нежной любовью и заботой. Когда ему исполнилось двенадцать лет, родители, обнаружившие в сыне усердие и немалую любознательность, перевели его из обычной школы в Далвич Колледж [1]. Том отлично учился и интересовался многими предметами, поэтому он долго не мог решить, на какой факультет поступать по окончании учебы. О том, чтобы Том удовлетворился дипломом колледжа, пусть даже весьма престижного, и шел работать, его родители не желали и слышать. Проблемы выбора университета не возникало; поступление в Оксфорд или Кембридж было давно решенным вопросом.

В конце концов по просьбе матери Том остановил свой выбор на Кембридже, так как он располагался ближе к Лондону, и поступил на факультет лингвистики — гуманитарные дисциплины ему были милее точных наук. Однако, получив первую степень, он не спешил продолжать учебу. Том очень любил своих родителей, но все же хотел начать самостоятельную жизнь и понимал, что знания лингвиста вряд ли пригодятся ему на практике. Поэтому в двадцать один год он решил сделать небольшой перерыв и, так как торопиться ему было некуда, на досуге подумать, что делать дальше.

Семья Уэстфилд жила в двухэтажном доме на окраине Лондона, и почти каждый день Том выбирался в центр города. Он любил гулять по запруженным улицам, смотреть на людей и гадать, кто они и чем занимаются.

У Тома не было близких друзей. Ребята, с которыми он учился, казались ему слишком высокомерными, а кроме колледжа и университета, он почти нигде не бывал. Однако поначалу он не тяготился своим одиночеством: по характеру Том был мыслителем, и его вполне устраивало, что он имеет возможность без помех размышлять на разные более или менее

возвышенные темы или просто читать, сидя на скамейке в одном из городских парков. Но со временем спокойная, размеренная жизнь наскучила Тому. Он продолжал по привычке приезжать в центр города, бродить по улицам и читать в парках, а в глубине души ждал какого-нибудь экстраординарного события. И вот наконец в один из его приездов в центр оно произошло.

В конце сентября Том в очередной раз пришел с книжкой в Риджентс парк и сел на свою любимую скамейку. Почти сразу к нему подошли два парня и две девушки. У всех четверых за спинами были рюкзаки, а один из них держал в руках путеводитель по Лондону.

— Извини, пожалуйста, — сказал парень с путеводителем. — Ты не мог бы нам помочь?

Том поднял глаза от книги и посмотрел на ребят. Парень с путеводителем в руках продолжал:

— Мы хотели попасть в Гайд-парк и по ошибке попали сюда. А карту я в гостинице забыл. Ты не объяснишь, как туда добраться?

Том встал и взял у говорившего путеводитель.

— Странное издание, не написано, как куда добираться, — задумчиво сказал он, перелистывая книгу. — Вы откуда, ребята?

— Из Нью-Йорка, мы только вчера приехали, — сказала одна из девушек. — На целых две недели.

Том снова посмотрел на ребят и вдруг подумал, что они могли бы хоть ненадолго скрасить его одиночество. Ему в голову пришла неожиданная мысль.

— Знаете что, — сказал он, возвращая путеводитель владельцу. — Я недавно закончил учебу и сейчас ничем не занят. Хотите, я покажу вам Лондон?

Ребята переглянулись; видимо, они не ожидали от чопорных британцев такого радушия, но в следующий момент все они радостно закивали.

— Тогда давайте знакомиться, — улыбнулся Том и шутливо-официальным тоном сказал: — Меня зовут Том, и в ближайшие две недели я буду вашим гидом.

Ребята засмеялись, назвали ему свои имена, и Том повел их гулять по Лондону, который за время своих одиноких вылазок он успел узнать так, что действительно мог бы работать экскурсоводом.

Каждый день, пока молодые ньюйоркцы были в Лондоне, Том встречал их у гостиницы и вел на очередную экскурсию. Ребята внимательно слушали его и, в свою очередь, рассказывали ему о себе и о своем городе. По истечении двух недель они уже считали Тома своим другом и настаивали на том, что он должен обязательно приехать в Нью-Йорк. Том проводил их в аэропорт, ребята дали ему свои номера телефонов и велели непременно с ними связаться.

Когда ребята уехали, Том затосковал. Он вдруг обнаружил, что одинокие прогулки больше не доставляют ему никакого удовольствия. В молодых американцах была какая-то кипучая, заразительная энергия, и теперь Тому ее не доставало. Тщательно все обдумав, Том решил действительно съездить в Нью-Йорк, чтобы пожить немного там, и сообщил о своем решении родителям. Те уже давно беспокоились о своем одиноком сыне, поэтому они с радостью согласились, рассудив, что подобная поездка может пойти ему на пользу. Том взял два больших чемодана, чтобы по крайней мере в первое время ни в чем не нуждаться, и уехал из Туманного Альбиона в «Большое Яблоко».

* * * * *

Было уже почти девять часов вечера, и Роджер торопился. Сегодня ребята встречались в новом баре. К ним должен был присоединиться парень, с которым Джейк, Кэрри, Брайан и Энни познакомились во время недавней поездки в Лондон. Он великодушно предложил показать им город, а теперь вдруг объявился в Нью-Йорке. Роджеру еще не доводилось бывать за границей, поэтому он жаждал познакомиться с представителем Соединенного королевства.

Когда он вошел в бар, все ребята были уже в сборе.

— Где ты пропадаешь? — закричал Стив. — Мы тебя уже полчаса ждем.

— На работе застрял, — объяснил Роджер, садясь на свободный табурет. — Приехала группа из Японии, а в гостинице что-то напутали и не забронировали им номера. Пришлось их в другую гостиницу везти, а она на другом конце города... Ну, и где же ваш «Англичанин в Нью-Йорке» [2]? — спросил он, доставая из кармана куртки сигареты.

— А вот он, — сказал Брайан и указал на рыжеволосого

парнишку на другом конце стола. — Познакомься, это Том Уэстфилд, наш гид по Лондону. Том, а это Род Стэнли.

Роджер посмотрел туда, куда ему указали, и обомлел; он узнал сидевшего перед ним парня. Несколько дней назад вечером, когда Роджер возвращался с тренировки, этот парень попросил у него прикурить.

С того самого вечера рыжеволосый парнишка не шел у Роджера из головы. Роджер и сам не мог толком понять, что его так привлекло, — он никогда не интересовался парнями такого типа, но после встречи в парке он постоянно думал о низкорослом пареньке в черном плаще и ужасно жалел, что не решился с ним заговорить. Роджер мечтал о нем по ночам и доводил себя до иступления, представляя, что бы он сделал с этим пареньком, если бы тот вдруг оказался рядом. Теперь, когда Роджер вновь столкнулся с ним лицом к лицу, он вспомнил откровенные сцены, которые рисовало ему ночами воображение, и у него загорелись уши.

Рыжеволосый парнишка тоже узнал Роджера и слегка удивился, снова увидев парня, который так пристально и неотрывно смотрел на него тем вечером. Но Том и представить себе не мог, что в течение нескольких последних дней он постоянно присутствовал в порнографических фантазиях нового знакомого, поэтому он привстал и, протягивая Роджеру руку, приветливо сказал:

— Очень приятно. Мне про тебя уже много всего рассказали.

— Не верь ни единому слову, я вовсе не такой замечательный, — с шутливой скромностью отозвался Роджер, отвечая на рукопожатие, и вновь от прикосновения рыжего парнишки его рука дрогнула и все тело окатила горячая волна. К счастью, этого никто не заметил, но Роджер все же мысленно приказал себе немедленно взять себя в руки и не позориться перед ребятами.

Весь вечер Роджер старался делать вид, что он слушает разговор, происходящий за столом, а на самом деле его мысли были заняты Томом Уэстфилдом. И все же он сумел уловить, что Том приехал на неопределенный срок и остановился в маленькой гостинице недалеко от центра. Том пошутил, что, по его мнению, пришла пора отдавать долги, и сказал, и что будет очень рад, если кто-нибудь из ребят найдет время показать ему хоть некоторые достопримечательности, на что Стив заметил, что лучшего гида по Нью-Йорку, чем Роджер, ему не найти. Том с уважением посмотрел на Роджера, а тот готов был расцеловать Стива.

Том сказал, что он еще ничего толком не видел и готов следовать за Роджером, куда тот сочтет нужным. Роджеру стоило немалых усилий подавить в себе желание признаться, куда он считает нужным повести Тома прежде всего; вместо этого он сказал, что ему не помешают несколько дней отпуска и что он с удовольствием устроит Тому столько экскурсий, сколько тот пожелает.

— Правда, в ближайшие два дня я не смогу освободиться, пока японцы не уедут, но, если хочешь, я попрошу, чтобы тебе разрешили присоединиться к группе. У них англоязычный гид. А потом я буду в твоём полном распоряжении, — предложил Роджер.

Том сказал, что такой вариант его вполне устраивает, и Роджер пообещал заехать за ним завтра пораньше, а потом они вместе заберут из гостиницы группу и экскурсовода.

Когда ребята расходились, Роджер, прощаясь с Джоном, заметил, что тот как-то странно улыбается. Он поднял брови, словно спрашивая: «А в чём, собственно, дело?» Но Джон только пожал ему, как всегда, руку и хлопнул по плечу.

* * * * *

Для Роджера начались нелегкие дни. Они с Томом встречались каждый день и гуляли по Нью-Йорку; это было величайшим наслаждением, но в то же время и пыткой. Постоянно находиться рядом и не иметь возможности прикоснуться к Тому или признаться в своих чувствах было невыносимо мучительно. Тем не менее Роджер не променял бы прогулки в обществе Тома ни на какие сокровища мира.

Том, выросший в иной среде и воспитанный в другой манере, очень отличался от всех, кого знал Роджер. Можно сказать, что Том был еще ребенком, неискушенным и неопытным, хотя и весьма неглупым. Он не знал, что такое нуждаться в деньгах, зарабатывать на жизнь или в чём-то себе отказывать, потому что с рождения имел все, чего хотел. С другой стороны, он не был избалованным, а кроме того, в нём не было цинизма, с которым смотрят на жизнь многие из тех, кому приходится всюду пробиваться самим. Том мог по-детски восторгаться видом с небоскреба или сидящей на окне кошкой и умел радоваться разным мелочам вроде любимой песни по радио или просто солнечного дня.

Роджера с каждым днем тянуло к Тому все сильнее. Кроме всего прочего, тот производил впечатление человека, нуждающегося в опекуне и защитнике, и Роджеру казалось, что он вполне подходит на эту роль. В конце концов он ясно осознал, что бесповоротно влюблен в рыжеволосого британца.

Роджеру безумно хотелось сказать об этом Тому; более того, он чувствовал, что просто обязан с ним поговорить. Но он никак не мог на это решиться, боясь оттолкнуть Тома признанием в своей сексуальной ориентации. Вконец измучившись сомнениями, Роджер решил посоветоваться с Джоном.

* * * * *

— Если ты думаешь, что никто до сих пор ничего не заметил, то ты ошибаешься, — усмехнулся Джон, когда Роджер рассказал ему, что с появлением Тома он потерял покой и сон.

— Неужели это так очевидно? — смущенно спросил Роджер.

— Ну, я-то вижу, как ты на него смотришь, — ответил Джон, ставя на стол пепельницу и стаканы. — Я только одного не могу понять. Он же совершенно не в твоём вкусе. Он намного моложе тебя, худой, как говорится, ухватиться не за что, ниже тебя ростом и к тому же рыжий!

— Ну, допустим, я бы нашел за что ухватиться, — мечтательно сказал Роджер, закуривая. — А что он маленький и рыжий... Знаешь, это мне и понравилось. Он мне лисенка напоминает... Да еще этот его шикарный гардероб плюс британский акцент!

— Экзотика, — улыбнулся Джон.

— Вот именно, — задумчиво произнес Роджер. — Я уже просто извелся. Не знаю, что делать. Боюсь, если я ему все расскажу, он испугается и будет меня избегать.

— Да уж, с этим надо бы поосторожнее, — рассмеялся Джон. — Помню я, как тот парнишка, как там его звали, дал тебе при всех по физиономии!

— Смешно тебе? — укоризненно покачал головой Роджер, но не сдержался и сам прыснул со смеху.

Полтора годами раньше с Роджером произошел небольшой конфуз. Как-то вечером он стоял в видеотеке возле полок с комедиями и пребывал в глубоком раздумье, как вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд. Обернувшись,

он увидел парня, который внимательно рассматривал его с головы до ног. Поняв, что попался, парень ничуть не смутился. Напротив, он подошел к Роджеру, представился и с ходу заявил, что работает фотографом в модельном агентстве и что, как ему кажется, Роджер вполне мог бы стать манекенщиком. Роджер, рассмеявшись, поблагодарил за комплимент, а про себя отметил, что это оригинальное вступление и его стоит при случае использовать. Новый знакомый, назвавшийся Гэри, сказал, что он вовсе не шутит и что им действительно нужен манекенщик для рекламы нижнего белья. Роджер сказал, что в таком случае нужно устроить фото-пробы, на что Гэри, продолжая смотреть на Роджера оценивающим взглядом, ответил, что он как раз и собирался пригласить того в свою студию. Роджер предложил не терять времени, и они отправились к Гэри.

По дороге они встретили Джона, Стива и Брайана с Энни, которые собирались заглянуть в новый бар неподалеку. Роджер представил Гэри друзьям и сказал, что они идут устраивать фото-пробы. Ребята понимающе заулыбались, и Роджер, уверенный, что его ждет приятный вечер, приобнял Гэри за талию. Но тот вдруг отпрянул как ужаленный и закричал:

— Чертовы гомики совсем распоясались! Невозможно работать!

Коротким точным движением он ударил Роджера в челюсть так, что тот едва удержался на ногах, и быстро пошел прочь, продолжая возмущаться. Ошеломленный Роджер посмотрел ему вслед и растерянно произнес, ощупывая лицо:

— Я так понимаю, пробы отменяются.

Не менее потрясенные, ребята устали на Роджера, а тот на них. Наконец Стив, с трудом сдерживая смех, выдал:

— Нет, с таким лицом тебе никакие съемки не светят!

И ребята дружно как один расхохотались. Роджер бросил на них обиженный взгляд, но затем представил себе свою физиономию, и его тоже разобрал безудержный смех.

Чтобы вечер не пропал зря, Роджер пошел с ребятами в бар, где его долго и весело допрашивали.

— Тебе не кажется, что ты, наверное, сам виноват? — спросил наконец Брайан.

— А что я должен был подумать? — возразил Роджер. — Он смотрел на меня, как голодный кот на бифштекс, заговорил со мной первый, позвал к себе, чтобы якобы снимать меня, причем, заметьте, без штанов!..

— Но ты же сам подал идею устроить пробы! — воскликнул Стив. Ребята от души веселились.

— Я-то пошутил! Я почву прощупывал! — защищался Роджер. — А он мне: «Конечно, пойдем, у меня тут студия недалеко...» Энни, вот представь себя на моем месте!

После недолгих раздумий Энни была вынуждена признать, что она бы тоже расценила поведение Гэри как заигрывание. Роджера оправдали, но ребята эту историю не забыли и иногда подтрунивали над ним...

— Да, неудачно вышло, — сказал Джон, отсмеявшись. — Но тут я, по правде сказать, не знаю, что тебе посоветовать. Думаю, лучше всего поговорить с Томом начистоту. Он парень неглупый и истерику закатывать не станет. Если ты, конечно, не будешь на него кидаться, — и он снова улыбнулся.

— Ну хватит, хватит, — проворчал Роджер и сразу добавил: — Хотя, знаешь, еще немного, и я это сделаю, честное слово... — Он немного помолчал. — В принципе, я и сам так думал. Только не знаю, какие слова подобрать.

— Скажи все как есть, — неожиданно серьезно сказал Джон. — Ты же ничего не теряешь. Максимум он тебе откажет. Ты и сейчас не в лучшем положении, а так хотя бы определишься.

Роджер подумал и, вздохнув, кивнул.

— Ты прав, как всегда. — Он решительно тряхнул головой и встал. — Ладно, спасибо. Пойду речь сочинять.

— Не вздумай! — воскликнул Джон. — К таким вещам чем больше готовишься, тем хуже выходит... И не волнуйся, — ободряюще прибавил он. — Говори что думаешь, слова сами найдутся.

Роджер доверительно посмотрел на него и снова кивнул. Друзья по обыкновению пожали друг другу руки, и Роджер ушел.

* * * * *

После разговора с Джоном Роджер несколько приободрился. В конце концов, он действительно ничего не терял. Подумав еще немного, он наконец решился.

Во время очередной прогулки Том и Роджер забрели в тихий, безлюдный уголок Центрального парка и сели на одну из

скамеек. Том курил, мечтательно глядя в розовеющее вечернее небо; Роджер, зажегший сигарету не с того конца, незаметно бросил ее под скамейку и смотрел на Тома, вертя в руках зажигалку.

— Хорошо у вас в Нью-Йорке. И друзья у тебя хорошие, — сказал наконец Том. — Знаешь, я решил пока остаться здесь. Найду какую-нибудь работу на полдня, чтобы дома не сидеть, а по вечерам будем гулять. Здорово будет, правда?

— Еще как здорово, — искренне согласился Роджер и перешел в наступление. — Слушай, Том, мне с тобой поговорить надо.

Том с готовностью повернулся к Роджеру, и тот, сделал глубокий вдох, произнес:

— Понимаешь... Я не знаю, заметил ты или нет, но я... В общем, ты классный парень. Мне с тобой интересно, ты... Нет, погоди, не то.

Том улыбнулся, выслушав эту бессвязную тираду, все еще не понимая, к чему клонит его новый друг. Роджер мысленно обозвал себя безмозглым тупицей и трусом, взял себя в руки и наконец сказал то, что собирался сказать с самого начала:

— Том, я гей. И ты мне очень понравился. Это, наверное, ужасно банально звучит, но такого со мной еще никогда не было. Я как тебя тогда в парке увидел, то сразу понял... Что всю жизнь ждал именно тебя. Я люблю тебя, Том.

Том от неожиданности не нашелся что ответить. Он смотрел на Роджера широко раскрытыми глазами и молчал. Роджер подождал еще немного и, увидев, что Том совершенно растерян, продолжал:

— Я не хочу на тебя давить или к чему-то тебя принуждать, но мне кажется, что если бы ты согласился попробовать... То есть я думаю, нам с тобой было бы очень хорошо вместе. Я для тебя все готов сделать...

Роджер не сдержался и осторожно погладил потрясенного Тома по щеке. Тот не пошевелился, но Роджер тут же сам отдернул руку и сказал:

— Извини меня, пожалуйста. Просто я о тебе все время думаю... Я очень хочу быть с тобой. Извини. Больше я до тебя без твоего разрешения не дотронусь.

Том наконец обрел дар речи и неуверенно проговорил:

— Это, конечно, очень лестно, но я, знаешь, как-то не думал... о нас с тобой... вот так. То есть ты мне тоже нравишься, мне с

тобой интересно и все такое, но... Сам понимаешь, я никогда не был с женщиной. У меня и девушки-то никогда не было. Так что я даже не знаю, что тебе ответить.

Радуюсь уже хотя бы тому, что Том не отшатнулся от него, не разозлился, не посмотрел на него с отвращением и ужасом, Роджер поспешно сказал:

— Не отвечай. То есть ты не обязан отвечать сейчас же. Но если бы ты хотя бы подумал об этом... — Роджер сделал неопределенный жест. — Короче говоря, дай мне как-нибудь знать, ладно? — Он помолчал и добавил: — Если я тебя обидел, прости меня.

— Нет, что ты, я вовсе не обиделся, — заверил его Том и встал. — Ладно, пойдем, а то уже холодно стало.

Роджер послушно поднялся вслед за ним со скамейки, и они направились к выходу из парка.

* * * * *

Сказав, что он никогда не думал о том, что они с Роджером могли бы стать парой, Том слегка покривил душой. Точнее, никаких конкретных мыслей на этот счет у него не было, но с тех пор как они познакомились поближе и стали проводить вместе время, Том начал думать о Роджере, не отдавая себе в этом отчета. И чем лучше он узнавал Роджера, тем больше тот ему нравился.

Роджер умел рассказать любую, даже самую заурядную историю так, что Том несколько минут не мог перестать смеяться, причем видно было, что Роджер делает это не для того, чтобы произвести впечатление. С ним было на удивление легко; Том мог поделиться с ним чем угодно, даже поговорить о своей любимой лингвистике, и был уверен, что его внимательно выслушают. Если Роджеру что-то было неясно, он не стеснялся переспросить и не делал вида, что все понимает, чтобы поскорее переменить скучную тему. Казалось, для него таких тем не существовало вообще; ему было интересно все, о чем говорил Том.

После признания Роджера Том наконец осознал, что тоже часто думает о своем новом друге, но уже не только как о приятеле, с которым интересно общаться. Том поймал себя на мысли, что Роджер очень нравится ему внешне и что ему самому хочется до него дотронуться.

А вот насчет отсутствия у себя сексуального опыта Том не соврал. В колледже и в университете он несколько раз встречался с девушками и даже целовался с некоторыми из них, но всегда ограничивался лишь этим. Более того, это не приводило Тома в восторг, и он совершенно не понимал своих сокурсников, которые беспрестанно говорили о сексе. Когда же Роджер открылся ему и погладил по щеке, Том почувствовал, как по всему его телу пробежала дрожь; он и не представлял себе, что прикосновение мужчины может быть таким нежным и приятным. Ему захотелось продлить это мгновение, но он постеснялся сказать об этом вслух.

После этого Том уже думал о Роджере не переставая. Поначалу это его немного пугало, ведь Том вырос в довольно консервативной семье, где ко всему не общепринятому и не вполне обычному относились настороженно и осуждающе. И все же растущее любопытство и искренняя симпатия к новому другу заставили Тома признаться себе в том, что предложение Роджера кажется ему все более заманчивым. Кроме того, чутье подсказывало ему, что Роджер принадлежит к числу людей, которые не имеют привычки использовать других, и может стать тем, кого Тому всегда не хватало, — по-настоящему близким и надежным другом. И хотя при мысли о том, как произойдет его первое сближение с Роджером, Тому становилось страшновато, он все яснее сознавал, что действительно хочет этого.

* * * * *

Прошло два дня. Том вел себя так, будто ничего не произошло; Роджер не знал, что и думать. На третий день его отпуск кончился, и ему пришлось вернуться на работу. Дел в мастерской накопилось много, и Роджер целый день не поднимая головы провозился с двумя автобусами и огромным лимузином.

Когда он пришел домой, было уже начало девятого вечера, и он валился с ног от усталости. Вдобавок у него сильно болела правая ступня — следствие давней производственной травмы.

Роджер принял душ, улегся с грелкой на диван в гостиной и закрыл глаза, и тут в дверь позвонили.

— Кого еще несет? — проворчал Роджер и поплелся открывать.

На пороге со смущенной улыбкой стоял Том. От неожиданности Роджер приоткрыл рот и застыл на месте.

— Привет. Можно войти? — спросил Том, и Роджер поспешно шагнул назад, пропуская его внутрь.

— Конечно, проходи, — сказал он наконец, закрыл за Томом дверь и повел его в комнату.

Если бы кто-нибудь сейчас напомнил Роджеру, что он отработал почти двенадцать часов без перерыва и страшно устал, он бы очень удивился. Его интересовал лишь вопрос, чем он заслужил этот неожиданный, но исключительно приятный визит.

— Ты чего хромаешь? — спросил Том. — Это я тебя так загонял?

— Ну что ты, — ответил Роджер. — Наверное, к дождю нога разболелась.

Поймав недоуменный взгляд Тома, он пояснил:

— Вот что бывает, когда ходишь на работу в кроссовках и твой напарник роняет тебе на ногу только что покрашенную дверь от микроавтобуса.

— Ничего себе! — воскликнул Том. — И давно это было?

— Года два назад. Я полтора месяца не мог встать. Три кости сломал. Зато теперь поумнел — вон, видишь... — Роджер кивнул на свои «армейские» ботинки. — Главное — техника безопасности!.. Ладно, ерунда, это неинтересно. Ты лучше расскажи, где ты сегодня был.

— Нигде, — ответил Том. — В гостинице сидел.

— Значит, это я тебя загонял, — улыбнулся Роджер и убрал со столика свои журналы.

— Нет, — сказал Том, разглядывая висящий на стене большой плакат с изображением ярко-красной «Ламборгини Диабло». Открывающиеся вертикально вверх остроконечные дверцы напоминали крылья и придавали машине сходство с экзотическим насекомым. — Мне просто захотелось немного подумать.

— Тоже иногда не помешает, — согласился Роджер. — И что же ты надумал?

Том не ответил. Вместо этого он вдруг подошел к Роджеру вплотную и внимательно посмотрел ему прямо в глаза. Роджер удивленно поднял брови, но не отступил.

— Я надумал, что без тебя мне гулять неинтересно, — сказал Том. Он поднял руку и неуверенно дотронулся до плеча Роджера. Ожидавший чего угодно, кроме подобного поворота событий, тот замер, боясь неосторожным движением вызвать у Тома

мысль, что ему неприятно это прикосновение. Том провел кончиками пальцев от плеча Роджера до кисти, взял его руку в свою и тихо проговорил:

— Я по тебе сегодня соскучился.

— И я тоже, — так же тихо сказал Роджер, все еще не веря своему счастью.

— Я хочу остаться сегодня с тобой, — не отводя взгляда, произнес Том. — Можно?

И тут Роджер не выдержал. Он понимал, что если потеряет контроль, то уже не сможет остановиться, но он столько мечтал об этом мгновении, что ничего не мог с собой поделать. Он схватил Тома в объятия и впился губами в его губы. Том, не готовый к такому напору, поначалу оставался неподвижным; затем он обхватил Роджера обеими руками и стал отвечать на его поцелуи.

Через несколько минут Роджер наконец оторвался от Тома, чтобы перевести дыхание. Том сделал шаг назад; Роджер с отчаянием подумал, что тот испугался и хочет уйти, но вместо этого Том, продолжая смотреть Роджеру в глаза, начал расстегивать на себе рубашку.

— Том, ты уверен, что хочешь этого? — Роджер чувствовал себя обязанным задать этот вопрос.

Вместо ответа Том бросил рубашку на диван, снова приблизился к Роджеру и уже гораздо более решительно обнял его за шею.

— Не бойся, — шепнул Роджер, целуя его за ухом, и Том закрыл глаза, ощущая нарастающее возбуждение. — Я постараюсь осторожно...

Роджер снова поцеловал Тома, на этот раз нежно и медленно, и тот весь обмяк в его объятиях.

— Идем, — сказал Роджер и потянул Тома за собой в спальню.

* * * * *

Ранним утром Тома разбудил шум яростно колотившего в окно дождя. На улице было еще темно. Том повернул голову и посмотрел на Роджера; тот спал, положив руку ему на живот. Том натянул сползшее одеяло, прикрыл Роджера и улыбнулся.

Месяц назад, когда Том впервые проснулся в этой квартире рядом с Роджером, хлестал точно такой же дождь. Но в то утро сон обессиленного за долгую ночь Тома прервал не стук капель по стеклу, а писк будильника. Послышался щелчок, будильник затих, и Том почувствовал, как Роджер осторожно гладит ему мочку уха. Ощущение было неопишимо приятным, и Том некоторое время лежал неподвижно, чтобы не спугнуть восхитительное мгновение. Неохотно открыв наконец глаза, он увидел, что Роджер смотрит на него таким же зачарованным взглядом, как при их первой встрече в парке. Теперь, после всего, что между ними произошло, этот взгляд обрел для Тома смысл и был яснее слов.

Так они лежали еще несколько минут, а потом Роджер сказал:

— Переезжай ко мне. Пусть так будет каждый день.

Том долго смотрел Роджеру в глаза, словно ища в них подтверждение уже почти принятому решению. Роджер беспокойно оглянулся на будильник; ему пора было на работу, но он не мог уйти, не получив ответа.

И Том не стал его мучить и просто сказал:

— Хорошо.

В тот же день он перебрался из гостиницы к Роджеру, и оба с каждым днем все больше убеждались в том, что поступили правильно.

Роджер не привык жаловаться на судьбу, так как не любил «гневить бога» и вообще на многое не претендовал, но в последнее время он особенно остро ощущал одиночество и очень тосковал по человеку, которому мог бы отдать себя всего. С появлением Тома словно закончилось долгое, утомительное странствие в никуда. Роджер почувствовал, что нашел свою родственную, хоть и очень непохожую душу, свою вторую половинку, так же отчаянно нуждающуюся в искренней, бескорыстной любви, как и он сам. И в сердце у него наконец воцарились покой и умиротворение, как будто нашлась и встала на место последняя недостающая деталь мозаики, и стала ясно видна полная картина его незатейливой жизни.

Том поначалу пытался, как всегда, осмыслить произошедшее, ведь его новая жизнь резко отличалась от той, к которой он всегда подсознательно готовился. Но в один прекрасный день он понял, что все его размышления — пустая трата времени, поскольку на самом деле всё на удивление просто: ему хорошо с Роджером, а кроме этого его ничто не волнует. Том с каждым днем привязывался к Роджеру все сильнее, и для

него уже не было более приятной минуты, чем когда тот входил вечером в дом, нередко шатаясь от усталости, но с неизменно озаряющимся при виде Тома лицом.

Единственным, что слегка омрачало их совместную жизнь, была некая недоговоренность в их интимных отношениях. Несмотря на присущую ему прямоту, Роджер был не в состоянии сказать Тому, что иногда чувствует себя как слон в посудной лавке. Он был очень внимателен и осторожен; было видно, что он изо всех сил старается сдерживаться, чтобы не набрасываться на Тома, как он позволял себе поступать с некоторыми из своих случайных любовников и как нередко поступали с ним. Никогда раньше не имевший дела с таким subtilным партнером, Роджер боялся вызвать у Тома неприязнь к себе или причинить ему боль и обращался с ним, как с фарфоровой куклой. Как ни хотелось Роджеру иногда повалить Тома на постель и сорвать с него одежду, он строго запрещал себе подобные вещи. Том считал такую предупредительность еще одним доказательством чувств Роджера, но однажды, заметив, как тот скован, сказал ему сам:

— Род, послушай... Ты молодец, и спасибо тебе, что ты меня так оберегаешь, но я все-таки не из бумаги сделан. Я не хочу, чтобы ты себя постоянно сдерживал. Люби меня так, как тебе этого хочется.

После этого между ними не осталось ничего неясного и недосказанного.

Очень скоро Том объявил, что не желает сидеть у Роджера на шее, он намерен устроиться на полставки на какую-нибудь работу, а во второй половине дня заниматься домашним хозяйством. Услышав это торжественное заявление, Роджер от души расхохотался. На недоуменно-вопросительный взгляд Тома он, отдышавшись, ответил:

— Не обращай внимания. Просто я представил тебя в кружевном фартуке и с перьевой метелкой в руках... Выходит, сегодня ученую степень в Кембридже получают для того, чтобы стать домработницей в Нью-Йорке!

Тома это совершенно не позабавило.

— Кто-то же должен о тебе заботиться, — серьезно ответил он. — Во-первых, ты работаешь допоздна, и квартира у тебя выглядит, как после битвы сэра Гавэйна с Зеленым Рыцарем [3]... — Роджер моргнул и хотел было переспросить, как именно выглядит его квартира, но Том не позволил себя перебить и продолжал: — Во-вторых, ты загляни в свой холодильник. Ты

занимаешься спортом, а нормальной еды у тебя нет. Но это я исправлю. Между прочим, я неплохо готовлю и люблю это занятие. А в-третьих, — озорно прибавил он, — ты особенно не веселись, мытьё посуды я поручу тебе.

— Я так и знал, что тут есть какой-то подвох, — усмехнулся Роджер, но возражать не стал.

И Том действительно устроился на работу, поступив помощником редактора в небольшое издательство, а по вечерам удивлял Роджера блюдами ирландской, шотландской и старинной английской кухни.

— Отличную подружку ты себе нашел, — подтрунивали над Роджером ребята. — Готовит, убирает. Хорошо устроился!

— Надо же мне наконец пожить по-человечески, — невозмутимо парировал Роджер. — Вам легко говорить. У Майка есть жена, за Брайаном и Джейком есть кому присмотреть... Один Стив у нас бесхозным остался.

— Верно Род говорит, — соглашался Стив. — Надо съездить в Лондон. Может, там и на мою долю остались такие славные рыжие домохозяйки.

— Неужели вы никогда не ссоритесь? — с неподдельным любопытством спросила как-то Джессика, глядя, с какой спокойной и снисходительной улыбкой Том реагирует на все их шутки.

— А зачем? — искренне удивился Роджер. — Мы всегда сможем договориться. Ну, если дойдет до спора, то я лучше уступлю... А то меня без ужина оставят! — добавил он, бросая на Тома шутливо-напуганный взгляд.

— Врет, как барон Мюнхгаузен, — развел руками Том. — Да с ним поссориться в принципе невозможно. Что ни скажешь, его все устраивает, он всегда всем доволен.

— Это ты на него так хорошо действуешь, — улыбнулся Брайан.

— Правильно, — подал голос Джейк. — Мужчину для поддержания душевного равновесия надо как следует кормить...

— Можно подумать, что тебя морят голодом! — обиженно воскликнула Кэрри.

— Меня жарким по-ирландски нечасто балуют... — ухмыльнулся Джейк.

— Ребята, не ссорьтесь, — великодушно сказал Роджер.

— Да, чем завидовать, лучше приходите все в пятницу к вечеру, я что-нибудь интересное приготовлю, — предложил Том.

— Нет уж, лучше пусть приходят и завидуют, — гордо заявил Роджер.

Джон, как обычно, молча слушал их шуточные пикировки и, усмехаясь, качал головой.

* * * * *

Лишь один-единственный раз Тому довелось увидеть, как Роджер вышел из себя.

Однажды вечером они возвращались из кино, оживленно обсуждая увиденный фильм. Погода была приятной, и Том предложил не идти сразу домой, а немного погулять, на что Роджер с радостью согласился. Они шли по тихой безлюдной улочке, и Роджер, обычно не одобрявший «обжиманий» на людях, не сдержался и позволил себе обнять Тома и куснуть его за ухо. Как раз в этот момент из-за угла появился какой-то здоровый парень в спортивном костюме, но Роджер его не заметил. Парень, видимо, возвращался из спортзала: на плече у него была потрепанная спортивная сумка. Вероятно, тренировка раззадорила его; вообразив себя крутым, он презрительно посмотрел на Тома и Роджера и ехидно воскликнул:

— Вы только посмотрите на этих гомиков! Уже и до дома дотерпеть не можете, прямо на улице лизаться начали? И как тебе, рыжий? — Эти слова относились уже лично к Тому. — Нравится, как этот рокер тебя трахает? Уроды, поубивал бы вас всех!..

Том залился краской, бросил взгляд на Роджера и испугался. У того в глазах вспыхнул незнакомый Тому огонь. Роджер был разъярен. Ему иногда приходилось слышать подобные вещи; оскорбления, невежество и презрение к таким, как он, были ему не внове, но тут задела Тома, и этого Роджер стерпеть не мог.

— Постой-ка здесь, — быстро сказал он Тому и пошел навстречу парню. Подойдя к нему вплотную, Роджер, изо всех сил стараясь сохранять спокойствие, тихо произнес:

— В чем дело? Кто тебя трогал?

Чувствуя полную безнаказанность, уверенный в своей правоте и силе, парень в спортивном костюме нагло ответил:

— А что, ты и меня хочешь потрогать? Обойдешься, гомик паршивый. Иди лучше лапай своего дружка, у него уже небось зад чешется!

От этих слов Роджер пришел в настоящее бешенство. Он развернулся и изо всех сил ударил парня в лицо. Тот отшатнулся, уронив сумку, и схватился за нос. Роджер воспользовался моментом, схватил парня за руки и заломил их назад, развернув обидчика спиной к себе.

— Пусти, гад! — выкрикнул парень и попытался вырваться, но Роджер держал его мертвой хваткой. Хотя противник был выше и крупнее, ярость придала Роджеру сил.

— Ну что, умник, добро пожаловать в клуб паршивых гомиков! — рявкнул он и повернулся к Тому. — У тебя «резинка» с собой есть? — При этих словах парень закричал и забился, но это ему не помогло.

Том смотрел на них во все глаза, не в силах вымолвить ни слова.

— Ладно, обойдемся и так, — хриплым от ненависти голосом сказал Роджер и с силой рванул спортивные штаны парня; раздался треск рвущейся ткани. Парень сорвался на визг.

— Нет! Нет! Пусти!.. Помогите!

У Тома потемнело в глазах. Он понял, что сейчас станет свидетелем отвратительной сцены. Неужели он мог так ошибиться? Неужели его Род способен на такую мерзость?! От шока он не мог сдвинуться с места и смотрел на происходящее, как замороженный.

Но тут Роджер отпустил парня и пнул его в голый зад так, что тот полетел вперед и едва успел выставить руки, чтобы не разбить лицо об асфальт.

— Кретин, — театрально отряхивая ладони, сказал Роджер. Парень вскочил, подхватил свою сумку и, на ходу подтягивая разорванные штаны, бросился прочь.

Том продолжал стоять неподвижно. Роджер подошел к нему и хотел взять за руку, но Том отшатнулся.

— Томми, ты что?

Роджер присмотрелся и увидел в глазах Тома неподдельный испуг.

— Том, что с тобой?

Сделав еще шаг назад, Том с трудом выговорил:

— Род, ты что, действительно собирался его... — он запнулся; он не хотел верить...

— С ума сошел! — воскликнул Роджер. — Неужели ты думаешь, что я бы связался с этой мразью?!

— Зачем же ты тогда... — в голосе Тома прозвучало недоверие.

— Том, идиотов надо учить, — терпеливо объяснил Роджер. — Иначе нам проходу давать не будут. Я просто хотел его напугать. Может, я и переборщил малость, но теперь он хотя бы будет думать, прежде чем открывать рот. — Роджер хотел было погладить Тома по щеке, но тот снова отстранился, и Роджер опустил руку.

— Том, это уже просто обидно, — спокойно сказал он. — Ты что, плохо меня знаешь? Посмотри на меня.

Но Том опустил голову, и тут он вдруг вспомнил...

В детстве, классе в четвертом, Том поссорился со своим одноклассником Айзеком Гринстайном. В запале он обозвал Айзека жидом. Тогда он еще не понимал значения этого слова; он где-то слышал его и понял, что это нечто дурное. В следующее же мгновение он получил сильный удар по зубам. В долгу он не остался, и мальчишки сцепились. Как это часто бывает у мальчишек, после драки они подружились, и Айзек рассказал Тому, что отец учил его никому не позволять оскорблять его национальность и, если надо, защищать свою честь с кулаками.

Том поднял голову и посмотрел Роджеру прямо в глаза. Тот покачал головой и улыбнулся. И по этой доброй открытой улыбке Том узнал своего Рода. Он успокоился, и ему даже стало стыдно, что он так плохо подумал о друге.

— Наверное, ты прав... — произнес он и шагнул к Роджеру. Тот обнял его, и Том прижался щекой к его плечу.

— Ну что, по-моему, сегодняшняя культурная программа выполнена с превышением, — сказал Роджер и поцеловал Тома в макушку. — Идем домой?

— Идем, — вздохнул Том, но с места не двинулся. Он был готов стоять так до бесконечности.

* * * * *

Однажды вечером, вернувшись с работы, Роджер, как обычно, застал Тома на кухне. Тот возился с очередным шотландским

рецептом. Увидев Роджера, Том оставил это занятие и с загадочным выражением лица потянул его за рукав в комнату.

— Ты над чем тут колдуешь? — спросил Роджер, оглядываясь на кухню и принохиваясь; дегустацию стряпни Тома он считал своей святой ежевечерней обязанностью.

— Да так, ничего особенного, — небрежно бросил Том, пытаясь отвлечь Роджера от кухни. — Послушай, Род, я должен тебе кое-что сказать.

— Ну, говори. А оно там не сгорит?..

— Давай сядем, — серьезно сказал Том и присел на диван. Роджер сел рядом. Заглянув Тому в глаза, он даже немного испугался.

— Что-то случилось?

— Я... я хочу поехать к родителям, — сказал Том. — Вот, я уже билеты купил... Вылет через неделю.

У Роджера упало сердце. Он совершенно растерялся.

— Как же так?.. Томми, что случилось? Я тебя чем-то обидел?

Теперь настала очередь Тома растеряться.

— Нет, что ты! С чего ты взял?

— Тогда почему ты вдруг уезжаешь?! — воскликнул Роджер. Этого он вовсе не ожидал и лихорадочно пытался сообразить, что могло заставить Тома принять такое решение. Тут наконец Том понял, что неясно выразился, и поспешил исправить свою ошибку.

— Род, я хочу, чтобы ты поехал со мной. Хочу познакомить тебя с родителями. Как ты на это смотришь?

Роджер сначала оторопел, а потом внимательно посмотрел Тому в глаза и спросил:

— Ты это серьезно, что ли?

— Вполне, — ответил Том. — Ведь у нас с тобой все серьезно, правда? Да, Род? — с надеждой в голосе повторил он.

— О господи, — пробормотал Роджер, проводя рукой по волосам и откидываясь на спинку дивана.

— Ты не хочешь ехать? — расстроился Том. — Ты не любишь меня?

— Вот глупый, — сказал Роджер, покачав головой, и притянул Тома к себе. — Глупый ты лисенок! — повторил он, ероша Тому

волосы. — Как ты меня напугал. А еще лингвист... Конечно, я поеду с тобой.

Роджер обнял Тома, а тот прижался к нему покрепче и затих.

Роджер помолчал немного, а потом сказал:

— Знаешь, надо сделать все как следует... — Он выпустил Тома из объятий, чуть отстранил его от себя и продолжал:

— Я все ждал подходящего момента, вот ты мне и помог. — Он сделал еще одну паузу, собираясь с духом, и наконец серьезно произнес: — Давай поженимся.

— Нас же не регистрируют, — машинально ответил Том.

— Мы что-нибудь придумаем. Тебе только это мешает? — Роджер взял Тома за подбородок и вопросительно приподнял брови.

Том некоторое время смотрел на Роджера широко раскрытыми глазами, а потом кинулся ему на шею.

— Родди!.. Ты у меня лучше всех!

— Лучше всех? — Роджер мягко усмехнулся, поглаживая Тому затылок. — А что, у меня много конкурентов?

— У тебя их нет и быть не может, — уверенно заявил Том.

Вдруг он потянул носом воздух, выпрямился и виновато улыбнулся:

— Кажется, все-таки сгорело...

Роджер, прищурившись, посмотрел на Тома и строго сказал:

— Тогда иди, выключай плиту, пока весь дом не сгорел, и скорее возвращайся. Я тебя наказывать буду.

Том рассмеялся и поспешил на кухню.

* * * * *

В субботу ребята в очередной раз собрались в своем излюбленном баре. Проницательный, как всегда, Джон сразу заметил перемену в своем друге. Если в последнее время Роджер витал в облаках, то в тот вечер про него можно было сказать, что он вообще парил на недостижимой высоте за пределами атмосферы. Джон перевел взгляд на Тома и заметил

у того на лице похожее сияние, но тактично промолчал и продолжал с интересом наблюдать.

Роджер был, что называется, в ударе. Он рассказывал какой-то смешной случай, произошедший у него на работе, да так, что в баре время от времени раздавались взрывы хохота. Том смотрел на него с плохо скрываемым восхищением, но почти не слушал; видно было, что он немного волнуется.

Наконец, когда у ребят уже ломило челюсти от смеха, Роджер сделал паузу и сказал:

— А у нас новости. Мы с Томом едем в Англию. Том хочет предъявить меня родителям. А когда мы вернемся, вы все приглашены на свадьбу. Предупреждаем заранее, всем явиться. Никакие отговорки не принимаются.

Его последние слова заглушил страшный шум. Парни загалдели, девушки завизжали, и все кинулись обнимать Тома и Роджера.

Когда ребята немного успокоились, Джон заказал всем еще по порции выпивки и обратился к Тому.

— Знаешь, парень, тебе очень повезло, — произнес он, и все окончательно притихли. — Такого, как Род, больше нигде не найдешь. Я ведь его уже много лет знаю. Он ради тебя горы свернет. Так что смотри, непусти своего счастья.

Ребята опять зашумели. Роджер страшно смутился. Том посмотрел на него с улыбкой, перевел взгляд на Джона и серьезно ответил:

— Я еще не сошел с ума.

* * * * *

В аэропорт Тома и Роджера провожали всей компанией. Обнимали, целовали, давали шуточные напутствия. Роджер заметно нервничал перед встречей с родителями Тома. Джон не смог придумать ничего утешительного и молча потрепал друга по плечу.

— Ну всё, готовьтесь, — сказал Том. — Как вернемся, устроим грандиозную вечеринку. Да, Род?

— Ага, или грандиозный запой лично для меня, если супруги Уэстфилд не одобряют выбор своего сына, — мрачно пошутил Роджер.

— Глупости, — с уверенностью заявила Джессика. — Ты им обязательно понравишься. А что касается Тома, то они за него только рады будут.

— Да уж, есть чему радоваться, — усмехнулся Роджер. — Единственный сын оказался «голубым». Любой родитель будет счастлив. А кому спасибо? — Роджер указал большим пальцем на себя. — Еще спустят меня с лестницы. А Тома засадят под домашний арест... В Тауэр.

Все стали наперебой успокаивать Роджера, но тут Том взглянул на часы и заторопил его.

— Удачи, — сказал Джон, и Том с Роджером поспешили к входу.

* * * * *

— Да не волнуйся ты так, — сказал Том Роджеру, когда они ехали в такси из аэропорта к дому четы Уэстфилд. — Все будет нормально.

— Ну да, — отозвался Роджер, нервно дергая себя за пуговицу на рубашке; из страха произвести невыгодное впечатление он впервые в жизни отказался от своих любимых черных футболок. — Говорил я тебе, надо было мне фрак напрокат взять...

Том рассмеялся и, беспокоясь о судьбе пуговицы, взял Роджера за руку.

Такси подъехало к дому родителей Тома; Роджер задрал голову и восторженно присвистнул. Том равнодушно пожал плечами и потянул Роджера за собой.

Супруги Уэстфилд оказались вовсе не такими, какими представлял их себе Роджер, ожидавший увидеть низкорослую, худощавую пару с сухим, холодным взглядом. Мистер Уэстфилд действительно был низковат, но отнюдь не худощав. У этого плотного, коренастого мужчины были такие же рыжие, как у Тома, волосы. Миссис Уэстфилд, добродушная, тоже довольно полная женщина, была на полголовы выше мужа. Оба очень приветливо поздоровались с Роджером и накинулись на Тома с поцелуями и объятиями.

В честь приезда Тома и его американского друга был устроен роскошный ужин в традиционном английском стиле. Совершенно обескураженный окружившим его великолепием, Роджер отчаялся разобраться в множестве разнообразных столовых приборов и до самого конца трапезы держался за

особенно понравившуюся ему серебряную вилку с вензелем, как последний оставшийся в живых воин разбитой армии — за обломок копья.

Мистер Уэстфилд, в молодости тоже увлекавшийся машинами, долго расспрашивал Роджера о его работе и наконец удовлетворенно изрек:

— Мне нравится твой друг, Том. Деловой парень, толковый. Пора бы и тебе определиться с профессией. Все-таки помощник редактора — это как-то несерьезно.

— Знаешь, дорогой, — вмешалась миссис Уэстфилд, которой явно не один раз приходилось выручать Тома из подобных ситуаций. — Я думаю, что нам пора выпить чаю.

Том бросил на мать благодарный взгляд, и все четверо перешли в гостиную. Том указал Роджеру на широкий мягкий диван. Супруги Уэстфилд расселись в своих любимых креслах перед ярко пылающим камином.

Роджер, который все еще чувствовал себя весьма неловко, специально сел на другой конец дивана, подальше от Тома. Мистер Уэстфилд зажег сигару, а миссис Уэстфилд, которую машины не воодушевляли, начала расспрашивать Роджера о его семье. Роджер не хотел распространяться о том, что родные вышвырнули его из дома, как нашкодившего кота, поэтому его рассказ был довольно скупым. Беседа скоро иссякла, и Том решил, что пришла пора действовать.

— Мама, папа, — неуверенно произнес он. — Я хочу вам кое-что сообщить.

При этих словах Роджер судорожно схватился за свою пачку сигарет. Миссис Уэстфилд, по своему обыкновению, ласково улыбнулась, а мистер Уэстфилд, дымя сигарой, благодушно сказал:

— Давай, выкладывай. Уж не нашел ли ты себе в Нью-Йорке невесту?

Том покраснел; Роджер выронил пачку, и сигареты рассыпались по пушистому ковру.

— Извините, — смущенно сказал Роджер. Он сполз с дивана и начал сосредоточенно собирать сигареты обратно в пачку по одной, стараясь как можно дольше растянуть это занятие и в то же время мечтая стать невидимым.

— Так что же? — спросил мистер Уэстфилд, зажигая новую сигару. — Если я угадал, почему ты ее не привез?

— Ты почти угадал, папа, — сказал Том. Мистер Уэстфилд вопросительно посмотрел на сына, и тот, набравшись наконец храбрости, медленно и внятно проговорил:

— Мы с Роджером живем вместе. Я его очень люблю. Неделю назад он сделал мне предложение. Я согласился.

На мгновение воцарилось неловкое молчание. Мистер Уэстфилд посмотрел на сына, затем на Роджера и вдруг громко расхохотался. Том и Роджер переглянулись. Миссис Уэстфилд бросила на мужа укоризненный взгляд, но он этого не заметил. Немного успокоившись, он перевел дух и произнес:

— Ну и юмор у сегодняшней молодежи! Меня чуть удар не хватил. Это у вас в Нью-Йорке так шутят? — спросил он, весело глядя на Роджера. Тот растерянно повернулся к Тому, ища спасения.

— Это не шутка, папа, — отчетливо проговорил Том. — Это правда.

Мистер Уэстфилд моментально перестал веселиться. Он грозно воззрился на Тома, потом на Роджера, затем снова вперил тяжелый взгляд в сына.

— Так... — сказал он наконец. — Значит, мой сын связался с «голубыми». Замечательно. Просто замечательно.

Мистер Уэстфилд сидел некоторое время молча, затем резко поднялся и, не говоря ни слова, быстро вышел из гостиной. Роджер, все еще сидя на ковре, уперся локтями в колени и спрятал лицо в ладони. Том беспомощно посмотрел на мать.

Миссис Уэстфилд вздохнула и пересела на диван к Тому. Обняв его за плечи, она тихо сказала:

— Ничего, ничего. Ему надо немного побыть одному. Он успокоится. Не бойся.

— А ты почему такая спокойная? — хмуро спросил Том, глядя в пол. Роджер поднял голову и посмотрел на миссис Уэстфилд, ожидая ее ответа. Та помолчала немного и ответила:

— Ты думаешь, твоя старая мать уже совсем ничего не понимает. Еще когда ты позвонил и сказал, что приезжаешь с приятелем, я подумала, что это наверняка не просто приятель. А когда я увидела вас вдвоем, то сразу все поняла.

Миссис Уэстфилд обернулась к Роджеру и ободряюще улыбнулась ему. Том поднял глаза на мать:

— И что ты по этому поводу думаешь?

— Я думаю, что тебе уже пора самому решать, чего ты хочешь в жизни, — серьезно произнесла миссис Уэстфилд. — А если вы действительно любите друг друга, кто же запретит вам быть вместе?

— Но вы с отцом ожидали от меня другого выбора, ведь так? — настойчиво спросил Том.

— Это не имеет значения, — ласково сказала миссис Уэстфилд и погладила сына по руке. — Если вы счастливы вдвоем, то будем счастливы и мы.

— Но отец... — начал было Том, но миссис Уэстфилд перебила его.

— Насчет отца не беспокойся. Я попробую с ним поговорить. Ты же знаешь, как он тебя любит... А сейчас давайте ложиться спать. Уже поздно.

Миссис Уэстфилд поцеловала Тома в лоб, встала и повернулась к Роджеру.

— Идем, я провожу тебя в твою комнату. Твои вещи уже там.

Роджер поднялся наконец с ковра, бросил безнадежный и растерянный взгляд на Тома и покорно последовал за миссис Уэстфилд; Том остался сидеть в гостиной, задумчиво глядя в затухающий камин.

* * * * *

Поднявшись в приготовленную для него комнату, Роджер разделся и лег на кровать. Он лежал на спине, подложив руки под голову, и думал. Реакция мистера Уэстфилда не удивила его, но все же очень расстроила. Роджер понимал, что Тому придется нелегко. Возможно, он не захочет огорчать отца и решит вернуться домой, и тогда их отношениям конец. От этой мысли Роджеру стало так тоскливо, что он даже тихонько застонал. Тут дверь скрипнула, и в комнату на цыпочках пробрался Том. Он сел на край кровати, скрестив ноги, и некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Ты обиделся на отца? — спросил наконец Том.

— Ну что ты, — ответил Роджер и положил Тому руку на колено. — Уж кто-кто, а я его понимаю. Он уже не мальчик, он старой закалки, а тут единственный сын сообщает такую новость...

— Не волнуйся. Все утрясется. Ему придется смириться с этой мыслью, — заявил Том. — Он же мой отец, он должен желать мне добра...

— Томми, — ласково сказал Роджер, поглаживая Тома по бедру. — Я не хочу, чтобы ты выбирал между родителями и мной, я не имею права тебя об этом просить. И не собираюсь ломать тебе жизнь, я слишком тебя люблю. Не хочу, чтобы из-за меня тебя лишили наследства, или прокляли, или что там еще отцы делают, если дети не оправдывают их ожиданий.

Том хотел было возразить, но Роджер сел на кровати, обнял его за плечи и продолжал:

— Послушай меня. Если ты собираешься идти против его воли, ты должен быть абсолютно уверен, что хочешь быть со мной. Иначе ты будешь злиться на себя за то, что рассорился с родителями, и в итоге возненавидишь меня, потому что это будет по моей вине.

Том серьезно посмотрел на Роджера и тихо, но решительно сказал:

— Род, прекрати. Ты же знаешь, я люблю тебя и хочу быть с тобой. Я никогда тебя ни в чем не упрекну. И с родителями я ссориться не собираюсь. Они меня любят, и они примут тебя. Слышишь?

Роджер обнял Тома и снова откинулся на спину, повалив его на себя. Том вытянулся, положил голову ему на грудь и закрыл глаза, а Роджер гладил ему плечи и затылок. Затем Том приподнялся и подтянулся повыше, и в следующее мгновение они целовались с разгорающейся страстью. Роджер гладил Тома по спине, затем его рука скользнула вдоль бока Тома под джинсы. Спустя минуту Роджер, уже с трудом владея собой, начал стаскивать с Тома футболку. Оторвавшись от Роджера, чтобы бросить ее на стул, Том прошептал:

— Тут кровать скрипучая...

— На ковер, — скомандовал Роджер, соскальзывая с кровати на пол и увлекая Тома за собой.

* * * * *

Рано утром Том тихонько встал и прокрался обратно в свою комнату: он не хотел, чтобы отец увидел их выходящими из комнаты вместе и решил, что ему делают назло. Вскоре после

этого проснулся и Роджер. Он сразу понял, куда подевался Том, вздохнул и повернулся на другой бок, но заснуть больше не смог. Он лежал и думал, что можно сделать, чтобы отец Тома хоть немного примирился с преподнесенным ему сюрпризом. Не придумав ничего путного и вконец измучившись от этих мыслей, Роджер оделся и спустился в гостиную покурить. Увидев мистера Уэстфилда в кресле перед камином, он в нерешительности остановился.

— Ну, что же ты стоишь? Иди сюда, садись, — сказал мистер Уэстфилд, закуривая сигару. Стоявшая перед ним на столике пепельница была полна окурков. Видно было, что он не спал всю ночь. — Давай-ка побеседуем.

Роджер сел в кресло и стал тоже закуривать, чтобы хоть чем-то занять руки и не смотреть на мистера Уэстфилда; своим предложением побеседовать тот застал его врасплох.

— Значит, вы с Томом живете вместе? — пристально глядя на Роджера, спросил мистер Уэстфилд.

— Да, сэр, — сдержанно ответил Роджер.

— Том говорит, что любит тебя, — произнес мистер Уэстфилд, сверля Роджера все тем же пристальным взглядом. Роджер деликатно промолчал, и мистер Уэстфилд продолжил: — Интересно, что было бы, если бы он встретил какую-нибудь девушку до знакомства с тобой?

Роджеру очень не понравился этот вопрос, но он постарался ответить как можно спокойнее:

— Сэр, я ни к чему вашего сына не принуждал. Все, что происходит между нами, происходит только с его согласия и по его желанию.

Мистер Уэстфилд промолчал. Он не сводил с Роджера глаз, словно ждал чего-то еще. Роджеру стало очень неудобно, но он выдержал взгляд мистера Уэстфилда и сказал то единственное, что мог сказать в свою защиту:

— Мистер Уэстфилд, я очень люблю Тома и хочу, чтобы ему было хорошо. Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы он был счастлив.

Мистер Уэстфилд продолжал сидеть с непроницаемым лицом еще некоторое время, а затем, видимо, на что-то решившись, вдруг вздохнул и совершенно другим тоном сказал:

— Ну что ж... мы вчера вечером поговорили с миссис Уэстфилд... Похоже, ты неплохой парень. Серьезный, неглупый. Бог с вами.

Если Том так хочет, я вас благословляю.

Роджер растерялся от неожиданности и встал.

— Он мой единственный сын, — продолжал мистер Уэстфилд. — Пусть он будет счастлив. Смотри, не обижай его! — он погрозил Роджеру пальцем, но было видно, что он уже настроился на мирный лад.

— Спасибо, сэр! — от всей души сказал Роджер. — Нам с Томом это было очень важно.

— Тому, наверное, все-таки важнее, а? — добродушно заметил мистер Уэстфилд, тоже вставая. — Ладно, не смущайся так, — добавил он, видя, что Роджер хочет возразить. — Я вижу, ты умеешь уважать старших. — Он шагнул к Роджеру и по-отечески обнял его. В этот момент в гостиную вошел Том, а за ним миссис Уэстфилд. Том удивленно поднял брови, а миссис Уэстфилд радостно улыбнулась.

— Иди и ты сюда, сынок, — позвал мистер Уэстфилд. Том подошел и взял Роджера за руку, и мистер Уэстфилд прижал их обоих к себе.

— Ну вот и хорошо, — сказала миссис Уэстфилд. — А теперь завтракать.

* * * * *

Прошла неделя, в течение которой Том до полного изнеможения таскал Роджера по самым красивым и интересным, по его мнению, уголкам Лондона, а затем они вернулись в Нью-Йорк. О полученных впечатлениях Роджер рассказывать не рискнул, так как в голове у него воцарился полный хаос, а выставлять себя идиотом он не хотел. Поэтому на расспросы ребят он туманно отвечал, что Лондон и Нью-Йорк совершенно разные, и он не берется определить, что ему больше нравится.

Приготовления к импровизированной свадьбе набирали обороты. Однополые браки в США в то время действительно не были легальными и не регистрировались, и Том с Роджером решили просто собрать ребят, арендовать на вечер какой-нибудь бар, устроить частную вечеринку и обменяться кольцами.

Дело нашлось для каждого. Джон подыскивал подходящий бар. Майкл взялся отвечать за музыку. Кроме того, он несколько дней безвылазно просидел в студии, записывая какой-то

таинственный диск. Он ни за что не желал выдавать его содержание и утверждал, что готовит «новобрачным» сюрприз.

Стив с готовностью вызвался провести церемонию бракосочетания, а Джейк пообещал приготовить свои фирменные пирожные (на предложение испечь огромный торт Роджер с некоторым сарказмом заметил, что тогда мероприятие будет слишком уж походило на свадьбу гомиков).

Один лишь Брайан остался без роли, но находчивый Том предложил ему взять на себя обязанности медкомиссии и проследить, чтобы Стив на радостях не выпил раньше времени лишнего и не поженит кого-нибудь не того.

Энни, Кэрри и Джессика, естественно, настояли на том, чтобы им доверили выбор одежды для виновников торжества. Том со свойственным ему философским хладнокровием согласился, а Роджер категорически отказался. Девушки были вынуждены прибегнуть к крайним мерам и обратились за помощью к Тому. Тот предложил Роджеру не портить дамам удовольствие, а кроме того, сделать приятное лично ему. Последнее оказалось самым веским аргументом, и Роджер нехотя позволил водить себя по магазинам.

Во время примерок Роджер поначалу ворчал, что вертеть задом перед зеркалом — не его призвание, но Том отозвал его в сторонку и что-то прошептал ему на ухо. Роджер покраснел от макушки до самых шнурков, и с этого момента никаких возражений с его стороны более не поступало; он соглашался на любые испытания модой, которые весьма забавляли как девушек, так и Тома. В конце концов Энни заело любопытство, и она поинтересовалась, что же так безотказно подействовало на Роджера.

— Я профессиональных секретов не выдаю, — загадочно улыбнулся Том.

— Ты должен поделиться с нами опытом! — хором взмолились девушки. — Некоторым из нас еще тоже замуж выходить!

— И тем, кто уже замужем, повышение квалификации тоже никогда не повредит, — добавила Джессика.

— Да ничего я особенного не сказал. Просто пообещал, что если он будет паинькой, вечером его ждет награда за хорошее поведение, — признался Том.

— А я-то думала, у тебя есть какой-то оригинальный метод, — разочарованно протянула Кэрри. — На вас, мужчин, только одним способом можно повлиять...

В конце концов поиск нарядов благополучно завершился. В качестве последнего штриха Энни нашла для обоих подходящие галстуки, но тут уж Роджер решительно воспротивился. Он заявил, что всякому издевательствам, а также его терпению есть предел и что на галстук он «ни за какие коврижки» не согласен.

Когда оба жениха предстали перед девушками во всей своей красе, Кэрри с искренним восхищением воскликнула:

— Ребята, вы выглядите просто великолепно! На вас одно удовольствие смотреть. А Рода вообще не узнать. Правда, девочки?

Вместо ответа Энни и Джессика в восторге запрыгали вокруг Тома и Роджера.

— Да, еще только губки накрасить и глазки подвести — и будет то, что надо... — произнес Роджер, подходя к Тому и раскладывая ему волосы на прямой пробор. — Дай-ка мне свою заколку, Джесс... — Но, несмотря на его ироничный тон, было очевидно, что выбор девушек он вполне одобряет.

— А теперь вы поможете выбрать наряды нам! — заявила Джессика.

Роджер, который уже порядком измучился от бесконечных примерок и мечтал пойти домой, чтобы взыскать с Тома обещанную награду, схватился за голову.

— Значит, теперь все только начинается! — устало проговорил он. — Том, это тебе будет стоить кое чего сверх уговора...

На Тома эта угроза не возымела должного эффекта, и он лишь весело рассмеялся.

* * * * *

Наконец знаменательный день настал. В восемь часов вечера все собрались в маленьком уютном баре. Руководил церемонией Стив.

— Ребята, давайте сначала покончим с официальной частью, а там видно будет, — распоряжался он. — Джон, ты будешь держать кольца. Том, Род, куда вы подевались? Подойдите сюда, без вас у меня вряд ли что-нибудь толковое получится... Джейк, оставь в покое стакан, успеешь еще выпить сегодня. Ну что, все готовы? Можно начинать?

— Ты, святой отец, не суетись, — посоветовал Джон. — Все уже давно готовы, только тебя и ждут.

Стив напустил на себя торжественный вид и важно произнес:

— Дорогие друзья! Мы собрались сегодня здесь, чтобы скрепить узами брака союз этих двух замечательных молодых людей, Тома Уэстфилда и Роджера Стэнли.

Официанты и бармен оставили свои дела и подошли поближе, с интересом разглядывая пеструю компанию и не совсем обычную пару молодоженов.

— Берешь ли ты, Том, этого человека, Роджера Стэнли, себе в законные мужья? — продолжал Стив. — Согласен ли ты любить и уважать его, заботиться о нем и быть с ним рядом в болезни и в здравии, пока смерть не разлучит вас?

— Да, — не задумываясь, ответил Том, глядя Роджеру прямо в глаза. Стив удовлетворенно кивнул, выдержал эффектную паузу и обратился к Роджеру. — Берешь ли ты, Роджер, этого человека, Тома Уэстфилда, себе в... — Стив запнулся, официанты переглянулись с барменом, Брайан хихикнул.

— Так, ребята, давайте-ка сообразить... — Стив задумался над формулировкой, но положение, как всегда, спас Джон.

— Брось ты эти глупости, Стив, — нахмурившись, сказал он. — Нечего декламировать устаревшие религиозные тексты. Через пару лет двадцать первый век начнется. И вообще, мы же не в церкви.

— И не в цирке, — подала вдруг голос Джессика. — Правда, Стив, это не годится.

Стив закусил губу, подумал и сказал:

— Точно. Мы люди современные. И случай у нас особый. Ладно, начнем сначала.

Он повернулся к Тому и Роджеру и с чувством заговорил:

— Ребята, я буду говорить от нашего общего имени, вряд ли кто-нибудь здесь со мной не согласится. Род, мы тебя знаем почти десять лет, а тебя, Том, меньше года, но мы любим вас обоих одинаково. Мы все за вас очень рады. В наше время редко увидишь такие отношения, как у вас, чтобы между людьми была такая гармония и взаимопонимание...

Кто-то из девушек растроганно всхлипнул, Роджер смущенно переступил с ноги на ногу и положил Тому руку на плечо.

— Короче, ребята, — Стив взял их обоих за руки. — Мы все вас поздравляем и желаем вам всегда любить друг друга так же, как сейчас. Ура!

— Ура! — подхватили девушки, а за ними и Джейк, Брайан, Майкл и Джон.

— А теперь обменяйтесь кольцами, — скомандовал Стив. Он кивнул Джону, и тот подал ему две обтянутые черным бархатом коробочки.

Кэрри и Энни с замиранием сердца следили за тем, как Роджер и Том надевают друг другу обручальные кольца, втайне представляя себя на их месте.

— Ну всё, можешь поцеловать невесту! — Стив подмигнул Роджеру и хлопнул его по плечу.

— Можешь не сомневаться, я так и сделаю, — заверил его Роджер. — Только не здесь.

— Да ну, перестань скромничать! — воскликнул Стив. — Не лишай нас такого удовольствия.

Ответить Роджер не успел, потому что Том притянул его к себе и крепко поцеловал. Официанты и бармен, не сдержавшись, восторженно зааплодировали.

— «Любое обхождение друг с другом дозволено повенчанным супругам» [4], — наставительно произнес Том, отпуская Роджера. Довольный Стив расхохотался:

— Так-то! Слушай, что образованный человек говорит!

— Вот поймаю я этого образованного человека на слове, посмотрим, что он тогда запоет! — сурово сказал Роджер, но, увидев доброжелательные улыбки друзей, только махнул рукой.

— Начинаем веселье! — провозгласил Майкл и поставил первую песню.

В конце вечера, в котором участвовали все работники бара, проникшиеся моментом, Майкл вручил Тому и Роджеру свой подарок — компактный диск, над которым он так долго трудился в студии. Роджер пробежал глазами список на обороте диска; это был сборник лучших песен знаменитых певцов-гомосексуалов — Джорджа Майкла, Элтона Джона, Фредди Меркьюри и других. На последней строчке Роджер споткнулся.

— Погоди-ка, — неуверенно произнес он. — Чего это ты сюда Филя Коллинза [5] записал? Он разве тоже?..

— Нет, — виновато улыбнулся Майкл. — Просто песня очень красивая, да и в сборник хорошо вписывается.

Том заглянул Роджеру через плечо:

— «Место для нас» [б]... Хорошая песня. — И Том по памяти процитировал: «Мы найдем укрытие, вместе мы найдем выход. Где-то должно быть такое место, где меня никто не знает. Поверь мне, мы его найдем. Где-то есть место для нас. Где-то есть время и место для нас».

— А я ее не знаю, — признался Роджер.

— Ничего, — бодро сказал Том. — Поставим дома диск, я... спою тебе ее вторым голосом, — и в его глазах заиграла задорная искорка.

* * * * *

Как-то вечером в квартире Роджера раздался телефонный звонок. Роджер был еще на работе, и Том поднял трубку. Незнакомый мужской голос беспечно сказал:

— Привет. Род дома?

— Нет, — ответил Том и нахмурился. Фамильярное «Род» резануло слух и насторожило его. — А кто его спрашивает?

— Это Рик. А ты кто? — звонивший, видимо, совершенно не смущался.

Сердце Тома тревожно стукнуло; позабыв о вежливости, он проигнорировал вопрос и холодно спросил:

— Что ему передать?

Звонивший явственно усмехнулся.

— Ничего, я попозже перезвоню. Ну, пока.

В трубке слышались гудки.

Кто такой Рик, Том знал. Роджер вовсе не собирался посвящать Тома в свое романтическое прошлое, он даже отдал Джону все фотографии Рика — у него не поднялась рука их выбросить; все испортил легкомысленный и недалевидный Стив. Однажды они сидели с ребятами в баре, и Стив ни с того ни с сего ляпнул: «Род, а помнишь, как вы с Риком...». Роджер метнул на него убийственный взгляд, Стив осекся и довольно неуклюже перевел разговор на другую тему, но Тому этого

было достаточно. В тот же вечер, когда они вернулись домой, он заставил Роджера рассказать ему о Рике. Роджер долго сопротивлялся, утверждая, что Рик — достояние прошлого, в котором совершенно незачем копать. Но Том настаивал, и Роджер, который не терпел лжи и недомолвок, нехотя рассказал, что жил с Риком четыре года, и не стал утаивать, что Рик бросил его ради другого. Однако Том этим не удовлетворился. Он начал выспрашивать подробности и в итоге вытянул из Роджера признание, что Рик был его первой любовью. Такое откровение Тома отнюдь не обрадовало, но Роджер резонно заметил, что Том сам виноват и что нечего было заводить этот разговор. Они чуть не поссорились, но Роджер сказал, что не собирается портить остаток вечера и ночь обсуждением того, чего больше не существует, и наотрез отказался продолжать беседу на эту тему.

— То, что у меня было раньше, не должно тебя волновать, — сказал он тогда Тому. — Сейчас я с тобой, я люблю только тебя, и это единственное, что ты должен помнить. Понятно?

Том сделал вид, что согласен, а сам всю ночь не мог заснуть, представляя себе Роджера с другим парнем; это было хуже всякого кошмара. Больше всего Тому не давало покоя то, что инициатором расставания был Рик; значит, если бы он не встретил другого, Роджер остался бы с ним и принадлежал бы сейчас этому негодяю...

Такого рода раздумья мучили Тома несколько дней. Однако постепенно он успокоился, утешая себя мыслью, что Роджер старше, поэтому вполне естественно, что у него были отношения с другими мужчинами, но сейчас они вместе, Роджер любит его и хранит ему верность; тем более что Рик далеко и живет с кем-то другим. И вот теперь случилось то, чего Том в глубине души очень боялся: Рик снова объявился и разыскивает Роджера.

Когда Роджер вернулся с работы, он сразу заметил озабоченное выражение лица Тома.

— Лисенок, что случилось? — спросил он, вешая куртку и проходя в комнату.

— Ничего, — ответил Том, стараясь не выдать своей тревоги.

Роджер понял, что Том врет, и нахмурился.

— Томми, я же вижу, что что-то не так. В чем дело?

Вместо ответа Том вдруг резко повернулся, вышел на кухню и стал нервно закуривать. Роджер пошел было за ним, но тут

снова зазвонил телефон, и Роджер был вынужден взять трубку. Том напряг слух, и до него донеслось следующее:

— Алло. Да... О господи, Рики... Конечно... Да. Нормально. А у тебя? Правда? Представь себе, можно сказать, женат... Спасибо. Нет, недавно... Серьезно? Нет, он мне не сказал... Да... Да, хорошо. Конечно...

Больше Том не мог слушать и открыл кран в раковине. Сердце у него бешено колотилось, нервы были на пределе.

Через минуту в кухню вошел Роджер. Сложив руки на груди, он прислонился к двери и тихо кашлянул. Том заставил себя поднять на него глаза.

С тех пор как Роджер встретил и полюбил Тома, он ни разу не вспомнил о Рике. Но когда он снова услышал голос бывшего возлюбленного, на него нахлынула волна воспоминаний. Четыре года промелькнули у него перед глазами, как киноплёнка при ускоренной перемотке; память тщательно отбирала хорошее и отметала плохое, и у Роджера больно защемило сердце, когда Рик сказал, что расстался со своим парнем и приехал в Нью-Йорк специально для того, чтобы увидеть Рода. «Мы должны встретиться. Я хочу тебе лично сказать, что я очень жалею, что бросил тебя», сказал Рик. Роджер растерялся и не знал, что ответить. Со дня их расставания и до встречи с Томом он не переставал надеяться, что Рик одумается и вернется, хоть и не признавался себе в этом и пытался его забыть. А теперь, когда это произошло, оказалось, что Роджер совершенно к этому не готов...

Они с Томом долго смотрели друг на друга и молчали. Наконец Роджер сказал:

— Закрой кран.

Том отвернулся к раковине, радуясь, что может больше не смотреть Роджеру в глаза. Роджер подошел и положил руки ему на плечи.

— Томми, послушай...

Том зажмурился. Вот оно. Он закусил губу и напрягся.

— Том, — сказал Роджер тихо, почти шепотом. — Я понимаю, что ты чувствуешь. Но пойми и ты меня...

«Нет, нет», повторял про себя Том. «Не бросай меня, пожалуйста. Нет...»

— Ты все знаешь, я тебе рассказывал, — так же тихо продолжал Роджер. — Я не видел его больше трех лет. Он уехал, едва

попрощавшись. Я должен с ним встретиться.

Том не двигался. Такой боли он еще никогда не испытывал. Ему стало трудно дышать.

— Том... Я договорился с ним на сегодня в «Старом замке», через полчаса...

И тут нервы Тома не выдержали. Он резко обернулся и отрывисто спросил:

— Зачем ты мне это говоришь?

— Я не хочу ничего делать за твоей спиной, — пожал плечами Роджер. Он предвидел подобную реакцию. Том отошел от раковины и сел у стола.

— Спасибо за заботу, — саркастически сказал он. — Но это совершенно излишне. Я прекрасно понимаю, чем кончится эта ваша встреча.

— Интересно, чем же она кончится? — спросил Роджер, начиная слегка раздражаться. Он все-таки ожидал от Тома большего понимания.

— Я что, должен говорить такое вслух? — Том сидел, не глядя на Роджера, и щелкал зажигалкой.

— Я не знаю, на что ты намекаешь, и, кажется, не хочу знать, — сказал Роджер и твердо добавил: — Я должен увидеться с Риком. Мы с ним поговорим, и я вернусь. Ладно?

— Если ты пойдешь к нему, возможно, ты вернешься в пустой дом, — сказал Том и встал.

— Том, не угрожай мне, — рассердился наконец Роджер. — И перестань дурить, ты не ребенок.

Том не ответил и направился в спальню.

— Тогда я пошел! — громко сказал Роджер. Он решительно шагнул в прихожую, взял свою куртку и прислушался. В спальне стояла гробовая тишина. Роджер покачал головой, проверил, достаточно ли у него сигарет, и вышел.

* * * * *

Когда Роджер вернулся домой, была уже почти полночь. Свет в квартире не горел, и Роджер щелкнул выключателем. Он увидел на вешалке в прихожей длинный черный плащ и

вздыхнул с облегчением, поняв, что Том дома. Стараясь не шуметь, Роджер снял куртку и проскользнул в ванную. Он долго внимательно смотрел на себя в зеркало, потом вдруг процедил сквозь зубы: «Мерзавец полоумный», открыл кран с холодной водой и сунул голову под струю.

Том, который с того момента, как Роджер ушел, лежал без сна в спальне, уловил шум воды, приподнялся на локте и прислушался.

Он многое передумал за те несколько часов, пока Роджера не было дома. Первым порывом было собрать вещи и уйти. Но Том уже не мог вообразить себе жизни без Роджера, поэтому он отверг эту мысль и стал искать оправдание, чтобы остаться. Том понимал, что не имеет права осуждать Роджера или останавливать его. Они были вместе меньше года, но Том чувствовал, что если бы им по какой-либо причине пришлось расстаться, он бы тоже ни за что не отказался от возможности снова увидеться с Роджером.

Вместе с тем он не мог не представлять себе, как происходит встреча между Роджером и Риком, что они делают и о чем говорят. Перед его внутренним взором постоянно вставали одни и те же мучительные образы: Роджер и Рик сидят в баре, смотрят друг другу в глаза, и Рик ласково поглаживает Роджера по колену; потом они, обнявшись, выходят из бара, идут к Риксу в гостиницу и жадно набрасываются друг на друга, будто пытаются наверстать упущенное время. Это было до того невыносимо, что Том хватался за голову и утыкался лицом в подушку, но беспощадное воображение, словно издеваясь, рисовало ему все более яркие и подробные картины. Том несколько раз вскакивал и начинал ходить по комнате, но легче ему не становилось; видения не отпускали его, и он опять со стоном валился на постель.

И вот, в самый разгар страданий, услышав, что Роджер вернулся, Том замер и стал напряженно ждать.

Вскоре в комнату вошел Роджер. Он тихонько подошел к кровати и сел на ее край.

— Томми... Ты спишь?

Том хотел ответить, но что-то сдавило ему горло. И вдруг будто какая-то мощная сила толкнула его вперед; он кинулся к Роджеру и обхватил его обеими руками. Роджер осторожно, как больного ребенка, обнял Тома и прижал его к себе; руки у него были ледяные.

— Родди, — начал было Том, но Роджер не дал ему договорить, приложив палец к его губам.

— Том, прости меня, пожалуйста, — сказал он. — Я последняя сволочь и полный идиот.

При этих словах Том выпустил его и отодвинулся. Неужели его подозрения подтвердились? Значит, Роджер переспал с Риком и теперь хочет, извинившись, продолжать жить с Томом, как ни в чем не бывало. Тому хотелось закричать. Роджер взял его за руку и снова притянул к себе; Том попытался высвободить руку, но Роджер не отпустил его, и он сдался. Ему было так больно, что у него уже не оставалось сил сопротивляться, и он беспомощно прислонился к плечу Роджера.

— Знаешь, я сейчас почти четыре часа сидел в Центральном парке, там, где мы с тобой в первый раз встретились, и думал о тебе, — сказал Роджер.

— А как же Рик? — недоверчиво спросил Том.

— Я к нему не пошел, — ответил Роджер, и Том недоуменно поднял голову. — То есть я уже прошел полдороги, а потом вдруг подумал: а что это я, черт меня дерит, делаю?

— Правда? — все еще не веря, прошептал Том. Роджер кивнул в темноте, и Том не увидел, но почувствовал это.

— Не знаю, чего меня вдруг туда потянуло, — продолжал Роджер. — Сажу один на скамейке, мерзну как собака и думаю... — он умолк.

— О чем думаешь? — спросил Том и осторожно тронул Роджера за плечо.

— О том, какой я кретин, — без тени улыбки ответил Роджер. — Ну зачем мне нужен Рик, когда у меня есть ты? Ведь я люблю тебя больше всего на свете, я не могу без тебя жить. И не хочу. Что бы он мне сказал? Что хочет ко мне вернуться? Ну и что? Я с тобой. Я тебя никогда ни на кого не променяю, Лисенок... — Роджер снова запнулся и повторил: — Пожалуйста, прости меня.

Том слушал Роджера, и у него на глаза наворачивались слезы.

— Род... Господи, как же я тебя люблю! — воскликнул он и уткнулся Роджеру в грудь.

Каким блаженством было снова ощущать знакомый запах и чувствовать на плечах, спине и затылке ласковые прикосновения любимых рук! Некоторое время Том, закрыв глаза, позволял Роджеру гладить себя, но потом не выдержал и, подняв голову, кунул его в шею. Роджер взял в ладони лицо Тома и

начал медленно целовать его в глаза, лоб, щеки, губы. Том запустил обе руки Роджеру под свитер, провел по рельефным груди и животу вниз и понял, что тот завелся не меньше его самого. Том сорвал с себя футболку и потянул свитер Роджера вверх. Роджер поднял руки, свитер полетел в угол комнаты; в следующее мгновение за ним отправились и джинсы, и Том ощутил на себе весь вес тела Роджера. Он снова закрыл глаза и полностью отдался ласкам любимого. Когда он уже почти достиг пика наслаждения, Роджер вдруг остановился, протянул руку и зажег лампу у кровати.

— Я хочу видеть твое лицо, — шепнул он, и Том, не в силах больше сдерживаться, впился пальцами ему в плечи и застонал.

* * * * *

Через несколько дней после этого случая Роджер пришел домой намного позже обычного.

— Ты где пропадал? Я уже волноваться начал, — сказал Том, открывая дверь, и тут же удивленно добавил, отступая внутрь квартиры: — Что это?

В левой руке Роджер держал маленькую закрытую корзинку. В правой у него были два огромных и, по всей видимости, очень тяжелых мешка, в которых что-то постукивало, перекачивалось и шуршало при каждом его движении.

— Это тебе, компенсация за моральный ущерб, — улыбнулся Роджер, осторожно опустил мешки у стены и открыл корзинку. Том заглянул в нее и с радостным воплем подскочил на месте: из корзинки на него сонно смотрел белоснежный котенок.

— Какой хорошенький! — воскликнул Том. — Где ты его взял?

— По объявлению нашел, — с гордостью заявил Роджер. — Там было написано, что продаются британские короткошерстные котята, я и подумал — как раз для тебя. Это девочка.

— Она просто чудо! — восторженно произнес Том, вынимая котенка из корзинки и прижимая его к себе. Довольный произведенным эффектом, Роджер начал с воодушевлением рассказывать:

— Пошел я к людям, которые объявление давали, а у них там этих кошек целых три. И котят штук пять. Представляешь, они их дома разводят, сумасшедшие! Я спрашиваю: «Сколько раз в день их поливать?» А они мне целый список вручили и велели

сразу в зоомагазин идти. Пришли мы с котенком в магазин, мне его там чуть на части не разорвали... Еле отнял. Надавали мне всяких мисок, щеток, мячиков, корма, лоток, песок какой-то. Зачем кошке песочница, ума не приложу... А потом говорят: «Мышей брать будете?» Я думал, они шутят, и говорю: «А как же, обязательно. И тараканов заодно давайте, и клопов горсточку.» А они смеются и показывают мне дохлую мышь на ниточке! Ну, думаю, к психам попал. Я только потом, когда присмотрелся, понял, что это игрушка. Представляешь?

Том рассеянно слушал, счастливо улыбаясь и лаская котенка. Потом он спохватился, поцеловал Роджера и с искренним восторгом сказал:

— Родди, спасибо!.. Только ты же говорил, что не любишь кошек.

— Не то чтобы не люблю, я их просто не понимаю, — ответил Роджер и прибавил: — И вообще, главное, что их любишь ты. А я переживу. Не съест же меня эта мелочь...

— На, поддержи. Хочешь? — И Том протянул котенка Роджеру. Тот с опаской взял белый комочек, легко уместившийся у него на ладони, и погладил котенка по спинке.

— На ощупь довольно приятная, — пробормотал он и поднес котенка к самому лицу. — Смотри, какие глазищи, оранжевые... — Роджер подумал и прижался к теплому боку кошечки щекой, но тут же отдернул голову и удивленно сказал:

— Слушай, Том, что это с ней?

— А что такое? — забеспокоился Том, забирая котенка у Роджера. Тот ответил:

— Дышит как-то странно. Хрипит вроде. И дрожит... Вот сволочи, они мне больного зверя продали! — возмущенно воскликнул он.

Том приложил ухо к мягкому пушистому шарикю и вдруг расхохотался так, что чуть не выронил котенка. Роджер посмотрел на него недоуменно и даже слегка обиженно.

— Ты что, никогда не слышал, как кошки мурлычут? — еле выговорил наконец Том.

— Да я кошку сегодня в первый раз в жизни в руки взял! — пожал плечами Роджер. — А что это значит?

— Это значит, что ты ей понравился, — все еще трясаясь от смеха, сказал Том.

— Серьезно? Ну-ка, дай ее сюда, — заинтересовался Роджер и снова взял кошечку на руки.

— Почеси ее за ушком или по шейке и послушай, — посоветовал Том.

Роджер, решительно настроенный досконально изучить устройство странного животного, сел на диван с котенком на руках и начал его гладить и почесывать, внимательно прислушиваясь. Том сел рядом и стал наблюдать. Через некоторое время Роджер поднял на Тома глаза и сказал:

— Здорово!

Том рассмеялся.

— Я так и знал, что тебе она тоже понравится. Дай ей погулять по квартире, пусть освоится.

Роджер опустил котенка на пол, и тот стал разгуливать по комнате, обнюхивая мебель, а Том пошел в прихожую разбирать мешки и устраивать кошечке туалет и столовую. Вернувшись, он увидел следующую картину: котенок, свернувшись клубком, безмятежно спал на ковре возле кресла, а Роджер лежал рядом на животе и как замороженный разглядывал его, изредка касаясь пальцем гладкой нежной шерсти.

Кошечка, которую Том, чтобы долго не ломать голову, назвал Китти [7], освоилась моментально, оккупировала территорию и стала единовластной хозяйкой в доме. Роджер постоянно наткался на нее во всех мыслимых и немыслимых местах. Китти превратила всю квартиру в свою игровую площадку, точила когти обо все, что ей под них попадалось, а по утрам не давала Роджеру уйти на работу, вцепляясь в шнурки и с упоением жуя их. Роджер терпеливо отдирал ее от своих ботинок и сажал к Тому на подушку, а несколько минут спустя Китти, подкараулив его в прихожей, с тигриной грацией атаковала его ноги.

Кошечка не переставала удивлять Роджера своей гибкостью и прыгучестью, а также привычкой постоянно умываться языком и спать по двадцать часов в сутки. Со временем, как все люди, которым приходится делить жилье с котенком, Роджер поддался необъяснимому очарованию кошек. Он очень привязался к Китти и мужественно терпел все ее выходки. Том же просто души не чаял в кошечке; его все в ней умиляло. Поэтому он приходил в неистовый восторг, глядя, как этот невинный ангелочек, только что учинивший в прихожей жестокую расправу над новыми шнурками на многострадальных ботинках Роджера, подбирается к их владельцу сзади, карабкается ему на плечо,

цепляясь всеми когтями за одежду и кожу, и начинает нежно тереться о его щеку и мурлыкать, требуя ласки.

Любимой забавой Китти было засесть ночью на шкафу в спальне и с присущей всем кошкам игривостью кинуться Роджеру на спину в самый ответственный момент. У Тома такие игры вызывали приступы безудержного смеха. Роджер обижался на них обоих и говорил, что от таких шуток он однажды станет импотентом, и тогда Тому уже не будет так весело. В ответ Том раздражался еще более громким хохотом. Роджер махал рукой, спихивал Китти с кровати и продолжал начатое.

Однажды вечером, глядя, как Роджер в очередной раз извлекает кошечку из глубин шкафа и осторожно освобождает из цепких когтей свой носок, Том улыбнулся и сказал:

— Род, ты не представляешь себе, как я ценю твою самоотверженность.

— Глупости, — ответил Роджер. — Я тоже люблю эту террористку. У нее оригинальное чувство юмора.

Он осмотрел останки бывшего носка и пошел хоронить их в мусорном ведре на кухне. Вернувшись, он сел на диван и поманил Тома к себе. Тот подошел и лег, положив голову Роджеру на колени; Китти тут же вспрыгнула ему на живот и, как выражался Роджер, «включила моторчик». Роджер погладил Тома по щеке, осторожно потер шелковистое ушко Китти и задумчиво сказал:

— Знаешь, ради тебя я готов терпеть в квартире даже стадо крокодилов.

* * * * *

Поздним вечером Роджер отвез очередную группу туристов в гостиницу, припарковал автобус в автопарке фирмы и позвонил Тому, чтобы сообщить, что идет домой. Том сказал, что чувствует себя неважно и собирается лечь спать, и попросил Роджера зайти в зоомагазин и купить Китти корма.

Зоомагазин находился довольно далеко и, когда Роджер до него добрался, был уже закрыт. Не особенно огорчившись, и без того уставший Роджер побрел обратно.

В темном переулке дорогу ему преградила группа подозрительного вида парней. Один из них, по всей видимости, предводитель шайки, довольно нахальным тоном попросил прикурить. Роджер достал свою выдавшую виды зажигалку и подал просившему.

Тот закурил, положил зажигалку себе в карман и нагло уставился на Роджера. По расширенным зрачкам и безумному блеску в глазах у парней Роджер понял, что они «под кайфом». Поскольку их было шестеро, он рассудил, что связываться с ними не стоит, тем более из-за такой мелочи, как старая зажигалка. Роджер хотел было идти дальше, но парни окружили его плотным кольцом.

— Ладно, ребята, я пойду, — спокойно сказал Роджер и шагнул вперед. — Пропустите-ка меня.

Парни не двинулись с места. Главарь пристально посмотрел на Роджера и сказал:

— Куда это ты собрался? А ну, дай сюда. — И он протянул руку к сережке с маленьким бриллиантом, которую Том подарил Роджеру на день рождения. Блестевший в мертвенно-бледном свете луны камень привлек внимание главаря, и он явно не собирался отказывать себе в удовольствии завладеть сережкой.

Роджер все так же спокойно отвел его руку и произнес:

— Не могу. Это моя. Дайте мне пройти.

Главарь начал заметно раздражаться.

— Я сказал, дай сюда, — грубо повторил он и снова протянул руку. Остальные обступили Роджера еще плотнее.

— Знаешь что, — миролюбиво сказал Роджер, будто обращаясь к несмышленому ребенку; он прекрасно понимал, что этих ребят лучше не злить. — Если вам нужны деньги, то долларов десять у меня наберется, а сережку я отдать не могу, понимаешь?

— Ты мне сейчас все отдашь! — взревел главарь. Одной рукой он схватил Роджера за рукав, а вторую сунул ему в карман джинсов. Остальные одобрительно загалдели.

Роджер знал, что с таким стадом ему в одиночку не справиться. Кричать и звать на помощь тоже было бесполезно: в том районе, где он находился, вряд ли кто-нибудь осмелился бы выглянуть на улицу в такое время, тем более выйти и разбираться с бандой наркоманов. Но Роджер терпеть не мог, когда к нему так бесцеремонно прикасались, поэтому он инстинктивно оттолкнул наглеца. Тот окончательно расвирепел и кинулся на Роджера. Потасовка была недолгой; Роджер ударил главаря всего два раза, и тот грузно рухнул на тротуар. Но для остальных это послужило сигналом к действию, и они набросились на Роджера всей кучей.

Двое парней схватили Роджера и держали его, скрутив ему

за спиной руки, трое других начали бить его в лицо и в живот; вскоре к ним присоединился и поднявшийся с земли главарь. Все попытки Роджера вырваться были тщетными.

Из разбитой губы и носа у него хлынула кровь, и при виде ее парни словно опьянели. Они повалили Роджера на землю и продолжали с остервенением избивать его ногами. К этому моменту Роджер уже не пытался сопротивляться и старался лишь прикрыть голову, но кому-то из нападавших все же удалось попасть ему в челюсть. В глазах у Роджера словно лопнул огромный воздушный шар. Он потерял сознание и уже не чувствовал ударов. Не почувствовал он и того, как один из парней, выхватив нож, несколько раз ударил его в живот и в бок.

Еще какое-то время озверевшие наркоманы продолжали яростно пинать распростертое окровавленное тело. Наконец они устали, отошли, тяжело дыша, в сторону и закурили. Главарь подошел к Роджеру, наклонился и обшарил его карманы в поисках денег. Потом он вырвал у Роджера из уха сережку и с ухмылкой сказал:

— Я же говорил, что ты мне все отдашь, ублюдок.

* * * * *

У Тома в тот вечер действительно сильно разболелась голова, и, как он ни любил встречать Роджера с работы, ему пришлось принять изрядную дозу снотворного и лечь в постель. Минут через сорок ему наконец удалось заснуть, но спал он плохо. Ему снились какие-то странные, жуткие люди в масках и черных мантиях. Они гнались за Томом по незнакомым ему темным извилистым улицам и в итоге загнали в тупик. Они наступали на Тома со всех сторон и тянули к нему руки с длинными звериными когтями. Один из них приблизился к Тому вплотную, собираясь вонзить в него свои острые когти, и Том со сдавленным криком проснулся.

Часы показывали два.

— Бред какой-то, — пробормотал Том и протянул руку, но Роджера рядом не оказалось. «Он, наверное, на кухне», подумал Том. В последнее время погода постоянно менялась, и старая травма совсем замучила Роджера. По ночам он часто вставал и уходил на кухню: принимал болеутоляющее, прикладывал к ноге грелку и курил, ожидая, пока лекарство подействует.

Том хотел было выйти к Роджеру, прижаться к нему и как-нибудь посмешнее рассказать про свой дурацкий сон, но почувствовал, что совершенно не в силах встать. Он покрепче обнял подушку Роджера и словно провалился в глубокую темную воронку.

* * * * *

Утром у Джона перегорела электрическая кофеварка. Перспектива идти на работу без завтрака ему решительно не нравилась, и по дороге ему пришлось зайти в кафе. Там была обычная утренняя толчея, поэтому, когда Джон прибежал наконец в свой спортзал, было уже начало десятого. Софи, миловидная администраторша за стойкой при входе, как всегда, приветливо улыбнулась.

— Джон, что случилось? Мистер Максвелл тебя уже пятнадцать минут ждет, у тебя с ним индивидуальная тренировка.

— Моя кофеварка скоростижно скончалась, — объяснил Джон, снял куртку и стал заталкивать свою сумку в шкафчик. — Ты и не представляешь себе, как сложно стало раздобыть в Нью-Йорке чашку кофе.

Софи рассмеялась и сказала:

— Тут какая-то женщина звонила, тебя разыскивала. Сказала, что из больницы.

— Из больницы? — удивленно переспросил Джон, выглядывая из-за дверцы шкафчика.

— Наверное, кто-то из твоих приятелей решил пошутить, — продолжила Софи.

— А что она сказала? — Джон запер шкафчик и подошел к стойке.

— Что-то там случилось с каким-то Роджером Старни... или Стэнли. Это же, кажется, твой друг, с которым вы занимаетесь, да? Симпатичный такой, темненький...

Джон встревоженно посмотрел на нее и быстро спросил:

— Ты адрес больницы записала?

— Да, на всякий случай, — ответила Софи, протягивая Джону листок бумаги. — Хотя мне все-таки кажется, что это какой-то глупый розыгрыш... Джон, ты куда? А мистер Максвелл?!

Но Джон не ответил. Выхватив у Софи бумажку с адресом больницы, он сломя голову вылетел из спортзала.

* * * * *

В комнате ожидания хирургического отделения было шумно и тесно.

— Это вы Джон Грэй? — строго спросила Джона полная дежурная сестра в очках, склонившись над кипой бумаг.

— Да, я, — сказал Джон. — Что случилось?

— Кем вы приходитеесь Роджеру Стэнли? Вы его родственник? — продолжала допрашивать сестра.

— Нет, я его друг, — нетерпеливо ответил Джон. — Вы можете мне объяснить, что произошло?

Сестра подняла на Джона глаза и так же строго сказала:

— Сейчас придет врач, он вам все объяснит. Посидите.

Джон оглянулся, но все кресла были заняты. Он прислонился к стене и стал ждать. Вскоре в комнату ожидания вошел врач, высокий худой мужчина с красными от усталости глазами; в руках он держал несколько бланков. Джон встрепенулся и подскочил к нему.

— Здравствуйте. Я друг Роджера Стэнли. Скажите мне, наконец, что с ним?

— Так... Роджер Стэнли... — пробормотал врач. Он бросил беглый взгляд на Джона, выбрал из стопки бланков один и начал читать:

— Четыре проникающих ножевых ранения в живот и два в правый бок... Повреждены внутренние органы, большая потеря крови. Вывих правого плеча. Правая рука сломана в четырех местах... — Врач зачитывал жуткий список, не отрываясь от бланка, и не видел, как глаза Джона становятся от ужаса все шире. — Сломаны семь ребер, множественные ушибы почек, вывих правого бедра, перелом правой берцовой кости, переломы левой ноги в трех местах... Обширные кровоподтеки в области грудной клетки и спины. Легкое сотрясение мозга... Рассечена правая бровь, сломана носовая перегородка, трещина кости нижней челюсти с левой стороны, выбиты два зуба, порвана мочка правого уха.

Врач оторвался от списка и посмотрел на Джона. Тот был настолько поражен услышанным, что не мог выговорить ни слова.

— На мистера Стэнли, видимо, напали с целью ограбления, а он решил сопротивляться, — сказал врач. — Мы уже заявили в полицию. Его нашли сегодня утром, он лежал на тротуаре без сознания.

— Я могу его увидеть? — выдавил наконец Джон.

— Его только что прооперировали, он еще не отошел от наркоза, — покачал головой врач, но, увидев, как Джон напуган и ошеломлен, смягчился и добавил: — Приходите часа через два...

В полной растерянности Джон вышел в больничный садик и сел на скамейку, пытаясь привести мысли в порядок и осознать произошедшее. На мгновение он удивился, что известили именно его, а не Тома, но тут же вспомнил: Роджер как-то сказал, что почти с самого начала их знакомства, когда он еще никого в Нью-Йорке не знал, он на всякий случай всегда носит с собой листок с телефонными номерами Джона.

Джон подумал, что Том, должно быть, сходит с ума от беспокойства. Как он скажет Тому о том, что случилось с Роджером, Джон не имел ни малейшего понятия, но сделать это было необходимо. Джон вздохнул, поднялся со скамейки и решительным шагом направился к телефону-автомату.

* * * * *

— Какой же я идиот! — сокрушенно воскликнул Том. Они с Джоном сидели в больничном садике и курили. — У меня вчера голова просто раскальвалась. Я, наверное, слишком много снотворных таблеток принял, потому что я буквально отключился. А утром решил, что Род уже на работе, что он не хотел меня будить...

Том невесело усмехнулся и повторил: — Ох, идиот...

— Ты не виноват, — мягко сказал Джон.

— Да я понимаю... Но если бы я сразу сообразил, что он не вернулся, может, его бы раньше нашли... О господи! — Том бросил сигарету и запустил пальцы в свои и без того уже взъерошенные волосы.

В больничный садик торопливо вошли Брайан, Энни, Стив и Кэрри.

— Что с Родом? — в один голос спросили они.

— Пока неясно, — ответил Джон, поднимаясь им навстречу. — Его прооперировали часа полтора назад.

— Как же так получилось? — недоуменно спросил Стив и посмотрел на Тома. — Почему его нашли только утром?

Том беспомощно поднял глаза на ребят.

— Оставь его, — тихо сказал Джон. — Он не знал... — Стив хотел спросить что-то еще, но Джон знаком велел ему замолчать и прибавил: — Это сейчас не важно. Садитесь, ребята. Подождем остальных и проверим, может, к Роду уже можно зайти.

* * * * *

Всех девятерых в палату, естественно, не пустили, но Джон настоял на том, чтобы ему позволили войти вместе с Томом.

Увидев Роджера, Том ахнул и в ужасе отшатнулся. Джон поддержал его, но сам чуть не упал, когда увидел, во что превратилось лицо его друга.

Смотреть на Роджера было просто страшно, однако Том собрался с духом и подошел поближе.

— Род, — тихонько позвал он, но Роджер не повернул головы и не открыл глаз.

— Господи, — прошептал Том. Он бессильно опустился на стул и повернулся к Джону. Тот молчал; при виде Роджера все ободряющие слова, которые он собирался сказать, вылетели у него из головы. Через несколько мгновений он все же опомнился и сумел проговорить:

— Идем. Мы заглянем к нему попозже, когда он очнется.

— Ты иди, — рассеянно сказал Том и придвинул стул вплотную к кровати. — Иди, а я пока тут посижу.

Джон понял, что переубеждать его бесполезно и что Том не двинется с места, пока Роджер не откроет глаза. Поэтому он молча кивнул, повернулся и вышел в коридор, прикрыв за собой дверь.

* * * * *

Роджера несла багрово-красная река, мерно катившая свои воды в багрово-красном лесу. Над его головой, в багровом небе, стояло багровое солнце. Он ничего не чувствовал, и на душе у него было спокойно, как никогда. Плаванию не было конца, но вдруг Роджер услышал какой-то звук. Он доносился откуда-то издалека и был едва различимым. Роджер напрягся и прислушался. Это был голос, до боли знакомый. Он что-то шептал, но что именно, Роджер никак не мог разобрать. И тут в ленивую беспечность медленного движения постепенно стала проникать боль. Она была тупой, но все время усиливалась. Наконец в голове у него словно сверкнула молния, и он очнулся.

Все тело страшно болело, он не мог пошевелиться. Он с трудом разлепил отекавшие веки. Рядом сидел Том, уткнувшись лицом в простыню у его левого плеча, и тихо повторял:

— Род, господи... Бедный мой... Сволочи, как они могли... Мерзавцы... Боже... Родди...

Роджер повернул голову и пошевелил левой рукой — это все, на что он был способен, но Том уловил это движение и резко выпрямился. Глаза у него были красные и мокрые.

— Род!

Роджер попробовал улыбнуться. Том вскочил и хотел было обнять его, но вовремя спохватился, сел на место и осторожно взял его руку в свою.

— Родди...

Роджер слегка сжал руку Тома.

— Лисенок... Хорошо, что ты здесь... — еле слышно выговорил он. Было видно, что он делает над собой большое усилие. — Не плачь, не надо. А то мне бы тоже надо расплакаться, да я боюсь стать еще красивее...

Том шмыгнул носом и тоже попытался улыбнуться, но слезы потекли из его глаз сами собой. Ему больно было смотреть на Роджера. Он опустил голову и прижался щекой к его руке. Роджер снова прикрыл глаза; он уже успел устать, но от одного присутствия Тома ему стало чуть легче.

Вошел врач.

— Вам лучше сейчас выйти, ему нужен покой, — сказал он Тому.
— Мы сделаем все, что сможем.

Том словно очнулся от глубокого сна. Деликатно поддерживая его под руку, врач помог ему встать и вывел в коридор.

Подошли ребята, обступили их.

— Ну что? — спросил Джон.

Том не отвечал. Вид у него был отсутствующий.

— Состояние очень тяжелое, нестабильное, — сказал врач. — Не знаю, что вам сказать, ребята. Шансы невелики. Мы делаем, что можем, но... — Врач смущенно развел руками. Помолчав, он повернулся и ушел. Джон положил руку Тому на плечо. Том поднял на него полные слез глаза. Он наконец полностью осознал, что произошло, и от мысли, что он, возможно, больше не увидит Роджера, не сможет его обнять, не услышит его голоса, у него больно сжалось сердце. Он хотел выйти на улицу закурить, но вдруг охнул и схватился за грудь. Ребята подхватили его и усадили в одно из свободных кресел.

— Что такое? — нахмурившись, спросил Джон.

— Не знаю. Что-то я... Дышать не могу... — пробормотал Том, все еще держась за грудь. — Джон... Как же...

Джон сел рядом с ним и обнял за плечи.

— Ну-ну, не надо. Успокойся. Может, еще обойдется...

Но он догадывался, что надеяться на это не стоит. Том вдруг уткнулся лицом в его куртку и разрыдался в голос. Ребята смущенно топтались вокруг, и Джон знаком попросил их выйти в больничный садик.

* * * * *

Четыре часа провел Том у кровати Роджера, держа его за руку и не отходя ни на шаг. Роджер иногда приходил в себя и, увидев Тома, слабо улыбался. Большую часть времени он был без сознания, а Том смотрел на него и беззвучно плакал. Ребята поняли, что ничем помочь не могут, и разошлись. Джон остался в коридоре, пообещав присмотреть за Томом и в случае чего всем сообщить. Но и от него было мало толку. Время от времени он подходил к двери палаты, смотрел на Тома и снова отходил, качая головой.

Какая-то пожилая женщина, вышедшая в коридор с костылями размять ноги, сказала участливо:

— Надо же, какой мальчик преданный, как прибежал, так и не уходит.

Тут только Джон вспомнил, что уже видел ее — она гуляла в коридоре, когда Том примчался в больницу и когда выходил из палаты в первый и последний раз, но тогда никто не обратил на нее внимания.

— Жена его, что ли, тут лежит? Я у него кольцо обручальное видела.

Джон посмотрел на нее и серьезно сказал:

— Нет. Муж.

* * * * *

В тот же день Роджер умер. Травмы оказались слишком серьезными, и к тому времени, когда его нашли, он потерял слишком много крови.

Ребята были потрясены и подавлены. Все они очень любили Роджера, и им было трудно свыкнуться с мыслью, что его больше нет, тем более что он погиб так нелепо и страшно.

Том же впал в ступор. Он совсем ослеп от горя, и умудренный горьким личным опытом Джон сразу сообразил, что за ним надо постоянно присматривать. Том мог попасть под машину, потому что не смотрел по сторонам, или элементарно умереть от голода; он стал равнодушен ко всему. Оставляя его одного было просто опасно, и Джон прямо из больницы забрал его к себе. После похорон Роджера он взял отпуск и около недели выхаживал Тома. Китти ему тоже пришлось перевезти к себе, так как больше о ней некому было позаботиться.

Днем Том часами сидел в кресле, тупо глядя перед собой, а по ночам плакал — тихо, но так горько, что и у Джона наворачивались слезы на глаза. Ребята заходили к нему, но Том был не в состоянии кого-либо видеть или с кем-то говорить. Он уходил и закрывался в ванной, а ребята сидели и тихо переговаривались, пытаясь осознать свою потерю.

Придя понемногу в себя и начав реагировать на происходящее, Том понял, что оставаться в Нью-Йорке больше не может. Как-то вечером, когда Джон готовил ужин, Том сообщил ему, что решил вернуться к родителям.

— Может, я скотина, но я больше так не могу, — сказал он. — На что ни посмотрю, мне все Рода напоминает, и так тошно становится, что хоть вешайся. Не могу я больше. Понимаешь?..

— Еще как понимаю, — сказал Джон, отрываясь от своего занятия и серьезно глядя на Тома. — И ребята, я думаю, тоже поймут. Наверное, так и правда лучше будет.

— Я буду вас навещать. Иногда... Наверное... — Том оборвал себя и отвернулся, чтобы вытереть глаза.

— Все образуется, — неуверенно сказал Джон, чтобы хоть что-нибудь сказать. Том обернулся, и они некоторое время внимательно смотрели друг на друга. Оба понимали, что если все и образуется, то это будет не скоро.

* * * * *

И снова ребята собрались у здания аэропорта. Только на этот раз никто не веселился; все смущенно и подавленно молчали. Девушки вытирали глаза. Никто не знал, что говорить, да и говорить, собственно, было нечего. Китти сиротливо съежилась в своей корзинке.

— Мне из полиции звонили, — сказал вдруг Джон. — Этих выродков все-таки поймали.

Это была правда. Через три дня после нападения на Роджера в ювелирную лавку на Сто двадцать пятой улице в Гарлеме пришли два подозрительных типа и сказали, что хотят продать бриллиантовую сережку. Рассматривая ее, чтобы оценить камень, старик-ювелир заметил на замке следы запекшейся крови. Он слегка испугался, но не подал виду. Как только посетители ушли, ювелир вызвал полицию и подробно описал их.

— Их уже давно разыскивали, они торговали наркотиками в школах, — добавил Джон. — А теперь их будут судить за убийство.

Том молча кивнул. Это сообщение не вызвало у него ни радости, ни удовлетворения. Со смертью Роджера он словно вообще перестал что-либо чувствовать. Единственным ощущением была тупая, сдавливающая грудь боль.

Том в последний раз пожал Джону руку, обнял по очереди всех ребят и, подхватив свои вещи, вошел в здание аэропорта.

Ребята смотрели ему вслед, пока он не скрылся из виду.

— Бедный Том, — сказала наконец Энни и прижалась к Брайану.
— Как же он теперь будет один...

Ответа не последовало, но по лицам ребят было ясно, что все они задаются тем же вопросом.

* * * * *

На следующий день на первых страницах нью-йоркских газет траурно чернели крупные буквы: «Вчера в 19:30 потерпел крушение самолет компании "Бритиш Эйруэйз", следовавший рейсом Нью-Йорк — Лондон. Все пассажиры и члены экипажа погибли. Причины авиакатастрофы выясняются.»

* * * * *

ПРИМЕЧАНИЯ:

[1] Далвич Колледж (Dulwich College) — старейшее учебное заведение Лондона, основан в 1619-м году.

[2] «Англичанин в Нью-Йорке» (*Englishman in New-York*) — популярная песня рок-музыканта Гордона Самнера, более известного под именем Стинг.

[3] «Сэр Гавэйн и Зеленый Рыцарь» (*Sir Gawain and the Green Knight*) — английский стихотворный роман неизвестного автора второй половины 14-го века из цикла поэм о короле Артуре и рыцарях Круглого Стола.

[4] Цитата из «Кентерберийских рассказов», произведения Джеффри Чосера (Geoffrey Chaucer), английского поэта 14-го века.

[5] Фил Коллинз (Phillip David Charles Collins) — популярный английский певец, музыкант.

[6] «Где-то есть место для нас» (*There's a Place For Us*) — песня, вышедшая в 1993-м году в альбоме *Both Sides*.

[7] Китти (англ. «kitty») — котенок, киса.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1) Так говорили мудрецы — составитель Барсов, издательство
Центрполиграф.

2) The Concise Phil Collins

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>